

Честь отцов

*Народная драма
в двух частях*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Д и м и — первый председатель.

И р б е к — его сын, председатель сегодня.

З а л и — вдова.

Г а б о — крестьянин, отец девяти дочерей.

З е л и м — курьер.

Б о л а — учитель.

З у р а б — старик.

Л а д и

Г а з е

С а н д р

Д з а г о

} крестьяне.

Х е ч о — каменщик.

А б р е к — бывший офицер.

М а д и н а т — жена Ирбека.

П л а к а л ь щ и ц а.

Ф у ф а — жена Габо.

Г о р ц ы — переселенцы, колхозники,
дровосеки, абреки.

Действие происходит в Осетии в наши дни и
в 1920—1924 годы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Звучит мужской хор а капелла. Вечер. Где-то на горизонте виднеются горы. На сцену входит Ирбек. Останавливается, закуривает.
За ним — Мадина т.

М а д и н а т. Нехорошо это, Ирбек! Председатель колхоза обиделся и покинул собрание!

И р б е к. Ты — учительница, и нечего тебе делать на колхозных собраниях!

М а д и н а т. Ты же ходишь на мои школьные? А почему я не могу? Вернись обратно...

И р б е к. Иди домой. Я как-нибудь сам разберусь.

М а д и н а т. Упрямство тоже не украшает человека.

И р б е к. Упрямство! Если жена так считает, что мне ждать от других?! Ты что, на их стороне?

М а д и н а т. Нет. На твоей.

И р б е к. Так в чем ты меня винишь?

М а д и н а т. Если ты прав, зачем ушел? Отстаивай свою правду до конца!

И р б е к. А что я могу сделать? Биться головой об стенку?! Нет... Или то, что я хочу, или... нам не по пути!

М а д и н а т. погоди, остынь! Ведь для всего нужно время. В твоей голове эта идея давно уже созрела, ты уже видел этот дворец, ходил по его залам, смотрел спектакли, украшал его цветами! А люди еще даже не успели слышать хорошенько, что ты сказал! Ты им даже не объяснил, что зимой в бассейне они плавать будут, а люди, ей-богу, подумали, что ты им вторую баню строишь!

И р б е к. Нет, я так понимаю: если они меня избрали — пусть доверяют! Без доверия толку нет!

М а д и н а т. Вот так и скажи им! Иди и скажи. Только спокойно. Все равно тебя не оставят, придут за тобой!

И р б е к. Если даже отец с того света придет... Пусть почувствуют!

М а д и н а т. Ну как хочешь. Ты отца вспомнил, Дими бы на твоём месте так не поступил.

И р б е к. Да, он бы так не поступил! Ему просто не посмели бы возразить!

М а д и н а т. Не скажи! Помнишь, строительство школы? Возражали же? Да еще как!

И р б е к. Помню, как не помнить!.. Иди-ка домой. Я посижу.

М а д и н а т. Хорошо, сиди. (*Уходит.*)

В луче света появляется Д и м и — в папахе, в кавказской рубахе, на поясе маузер.

Д и м и. Еще помнишь меня? Столько лет прошло? Не забыл?

И р б е к. Забыл? Тебя? (*Смотрит на отца.*) Говорят, нет бога. Это неправда. Бог есть. У каждого свой... Это то, чему веришь до конца, до последнего вздоха. Это то, что помогает жить, творить, идти на подвиг... Если это не так, то почему всегда перед сном ты — у меня перед глазами, а утром, когда начинается рабочий день, — ты опять рядом.

Д и м и. Когда-то по обычаю горцев в присутствии отца сын много не говорил... С меня достаточно, что ты меня помнишь. А молиться на меня... Не к чему... Что у тебя случилось?

И р б е к. Сейчас скажу. Все скажу. Привыкли мы строить разрозненные маленькие фермы, живет еще у многих понятие, от прошлой бедности нашей, что для скота можно кое-как четыре стены поставить и крышей накрыть. Мы построили новую ферму — комплекс, на тысячу голов, светлую, чистую, теплую, все механизировано... Многие в колхозе не хотели со мной соглашаться. «Зачем нам такая махина? Даже половину не заполнишь колхозным стадом!» Все-таки построили. И заполнили. И все довольны. Дальше. После войны, отец, люди стали строиться заново, никто не хотел оставаться в старых домах, с кирпичом было трудно. Предложил построить кирпичный завод. Опять кое-кто кричал: «Зачем?» Но все-таки построили. Теперь не только сами обеспечены, но и соседи кирпич у нас покупают. Доходы колхоза увеличились. И все говорят: «Ах какие мы молодцы!» Дальше. Сад, который ты заложил, еще больше увеличился, дает такие урожаи, что мы с ними не справлялись — гнили, гнили фрукты. Построили консервный завод, теперь ни одна ягодка не пропадает. А доходы какие!

Д и м и. Если у тебя все так хорошо, в чем же причина твоего волнения?

И р б е к. Сейчас... Сегодня меня вынудили... уйти с общего колхозного собрания...

Д и м и. Вот как... Почему?

И р б е к. Предложил построить Дворец культуры... С театром, спортивными залами, музыкальной школой, библиотекой, детским садом и яслями, даже с бассейном. Словом, опять комплекс.

Д и м и. И в каком селе есть такой?

И р б е к. В селах пока нет.

Д и м и. А в городе?

И р б е к. В городе? Есть, но наш должен быть лучше.

Д и м и. Ну и что?

И р б е к. Ну и прокатали.

Д и м и. Причина?

И р б е к. Говорят — не по зубам!

Д и м и. А может быть, действительно не по зубам?

И р б е к. Нет, причина не в этом! Денег у нас много. Если даже пятьдесят процентов доходов пойдет в фонд зарплаты, у нас будет очень высокий трудовой день.

Д и м и. Так в чем же дело?

И р б е к. Требуют семьдесят процентов на зарплату, у соседей, мол, так. Жаль, что люди сегодняшней рубль ценят больше завтрашней десятки!

Д и м и. Эта психология мне знакома...

И р б е к. Понимаешь, отец, понастроили клубы-временки во всех селах, и буквально через пять лет оказалось, что они никому не нужны, непригодны... А ведь это деньги, даром выброшенные колхозные деньги! Дворцы надо строить, и так их строить, чтобы на столетия... Говорим о стирании грани между городом и деревней, а на деле все откладываем на завтра! Вот и уходят люди в город! Старики смирились, прикипели к своему месту, а молодежь уходит!

Д и м и. Ты не забегаешь вперед?

И р б е к. Нет, отец. Понимаешь, люди тянутся друг к другу, человеку необходимо общение. Мы все время думаем об организации только рабочего трудового времени людей. А ведь настало время подумать о свободном времени, что оно дает человеку, чему учит, какие желания пробуждает? Там, где об этом не думают, рюмка становится главным связующим звеном между людьми. (Закуривает.)

Д и м и. При мне ты не курил...

И р б е к (*тушит папиросу*). Извини.

Д и м и. Кури, кури, не стесняйся. Теперь ведь ты старше меня!

И р б е к. Сын — старше своего отца... (*Опустил голову, задумался.*)

Д и м и. Не торопись, сынок, принимать решение. Не понимают тебя — подожди, пока поймут. А тем временем займись собой, семьей, детьми.

И р б е к. Отец, ты это всерьез? И это говоришь мне ты? Это я слышу от своего отца? А как ты горел на работе!

Д и м и. У меня не было другого выхода. Время было другое: разруха, голод... Заново все надо было строить, на пустом месте... А как — не всегда знали и умели... Так что подумай, сынок... Двух жизней не бывает... Ну, я пошел...

И р б е к. Подожди... Не знаю, что тобой сейчас руководит — чувство или разум... Но все, что я сделал в жизни, связано с тобой. Это или твоя вина, или твоя заслуга... Вспомни свою жизнь...

Д и м и. Хорошо, вспомню...

И р б е к. Начни хотя бы с двадцатого года, когда меньшевики сожгли наше село.

Д и м и. Ну что ж, можно и с двадцатого...

Звучит хор. Ирбек отходит в сторону, как бы уступая место отцу, как бы уходя в тень времени. Дими садится, задумался. Постепенно сцену заполняют горцы — беженцы с детьми, со своим скарбом: с деревянными люльками, узлами, деревянными ведрами, корытами. Привал. Вечер. Разжигаются костры. На фоне людских голосов слышен плач женщины.

Ж е н щ и н а - п л а к а л ь щ и ц а (*причитает тихо, нараспев*).

Чтоб в крови захлебнуться тем,
Кто оставил нас, бедных, бездомными!
Чтобы мор вас забрал, звери лютые!
Кто оружие против нас обратил смертельное!
Все кормильцы наши родимые
На врага ушли, нас покинули!
Старики лишь да жены с детками
По дорогам мрут беззащитные!
И земле их предать даже некому!
Как нам быть, как нам жить, обездоленным?
О несчастный день, о судьба моя!
Где найдем мы долю счастливую?!

Кто-то заметил Дими.

Г о л о с а. Вот он!

— Дими вернулся!

Народ окружает его.

З у р а б. Дими, сынок, народ ждет! Скажи им слово!

Дими молчит.

Д з а г о. Куда нам теперь путь держать?.. На равнину или обратно в горы?..

Д и м и (*встает, смотрит на людей*). Обратного пути нет. На месте наших селений — пепел... Положение тяжелое. Здесь, на равнине, тиф... Беженцы гибнут на дорогах... Дожди, голод, холод. Власть приняла решение распределить нас по селам, отдают беженцам комнаты, сараи, дворы, конюшни. Завтра, начиная от Мамисонского перевала, всех переселенцев надо собрать в селах. Кто способен идти — сам пойдет, кто не может — тем надо помочь!

Д з а г о. А что потом будет?

Д и м и. Потом?.. Нужны терпение, выдержка, стойкость.

Народ молча расходится.

З у р а б. Да, не обрадовал ты нас, Дими. Не утешил... Э-эх, лучше бы гром нас всех поразил!.. Одним ударом!..

Вбегает З е л и м.

З е л и м (*запыхавшись*). Дими, Дими!

Д и м и. Ты откуда?

З е л и м. Два дня тебя ищу!

Д и м и. Я же тебе велел остаться на перевале, помочь своим!

З е л и м. Дими! (*Заплакал.*) Помогать больше некому... Мать умерла... Утром просыпаюсь, а дед меня зовет: «Умираю, разбуди мать!» Я к ней... бужу, а она... мертвая... Кому мне еще помогать?

Д и м и. А сестренка где?

Зелим заплакал.

А дед?

З е л и м. И дед скончался...

Д и м и. Ты теперь один... Мой маленький друг, мой адъютант... (Обнял его.) Сегодня сын приходил ко мне...

З е л и м. Ирбек?

Д и м и. Ирбек... Сказал, что мои... жена, и мать, и дочь... В один день... Еще не похоронили... Старики послали Ирбека за мной. А мне надо быть здесь... Зелим, догони Ирбека... Похороните моих... И возвращайся вместе с ним.

Д з а г о. Дими, они же еще дети! Шел бы сам!..

Д и м и. Нельзя мне! Не могу! Народ гибнет. Пристроить всех надо. Накормить, помочь. Достать лекарства. Как их бросить?! Завтра собирает нас Киров, я не могу не быть!

Д з а г о. Тогда и мальцов незачем посылать! Покойники, царство им небесное, непохороненными не останутся, кто-нибудь да предаст их земле.

Д и м и. Но я хоть должен знать, где их могилы?

Д з а г о. Твоя правда! Иди, Зелим. Будь мужчиной. Сам видишь, какое положение: Дими за народ головой отвечает. Иди...

Д и м и (обнял Зелима). А завтра ищите меня с Ирбеком в Салугардане.

З е л и м. Прямо сейчас идти? Ночью?

Д и м и. Пойдем. Возьмешь моего коня.

Дими и Зелим уходят.

З у р а б. Кто этот мальчик?

Д з а г о. Сын его друга. Отца офицере расстреляло... Теперь и других родных потерял...

З у р а б. Куда они пошли? Что-нибудь случилось у Дими?

Д з а г о. Случилось. Там, на дороге, его мать, жена и дочь. Скончались от тифа... Прислали за ним, хоронить надо... А он не может нас бросить...

З у р а б. Господи, как ты терпишь такое...

Д з а г о. Смотри, старик, какие тучи надвигаются... Быть грозе! А здесь и спрятаться негде...

З у р а б. Мои кости уже утром дождь предвещали. Говорил я, лучше в том лесу привал сделать. Не послушались. Теперь надежда на ветер, может, разгонит...

Входит Д и м и.

Крепись, сынок... Если бы можно было словами облегчить твое горе!

Дими. Спасибо, старик! (*Расстелил бурку.*) Садитесь.

С ребенком на руках входит Зали, за ней остальные.

Зали. Мой ребенок умер! Посмотри, Дими, к чему ты нас привел! Смотри, сколько слез, сколько горя, сколько сирот! Где твоя семья? Наверное, под крышей, в тепле, сытая! А мы здесь, под открытым небом. За свободу боретесь?! От жизни вы нас освобождаете! Чтобы чума вас всех взяла за муки наши! И белых, и красных! И большевиков! И меньшевиков!

Удар грома.

Бей, бей нас! Бей всех, и правых, и неправых! Карай! Такая наша доля! Бей! Карай!

Дими (*во весь голос*). Перестань, слышишь! Всем к лесу, под деревья! Люди, прекратите плакать! Мужчины, помогите женщинам!

Гремит гром, народ мечется. Постепенно сцена пустеет. Тишина. Звучит хор. К Дими подходит Ирбек.

Ирбек. А ты помнишь, отец, как нам давали землю?

Дими. Как не помнить! Такое не забудешь! Голая земля. Первые наши шалаши из соломы, досок, овечьих шкур... Они укрывали нас от дождя, а в жару давали тень... Вон смотри — первые поселенцы...

Звучит хор. Дими и Ирбек отходят в тень. Раннее утро. Справа небольшой холмик. В глубине сцены группа женщин проходит за водой. Входит Габос с бревном, кладет его на камни. Навстречу ему идет Дзаго.

Дзаго. С добрым утром, Габос!

Габос. С добрым утром, Дзаго! Долго спишь!

Дзаго. Какой там сон! Всю ночь со стороны Архонки стрельба была!

Габос. А я и не слышал... Ты привез семью из Христиановской?

Дзаго. А как же! Земля рук просит. Клянусь, это не земля, а масло!

Габос. Не знаю, мне что-то не верится, оставят нас здесь или...

Дзаго. Конечно, оставят.

Габос. Моя жена дудит одно: «Поехали обратно в горы! Земля,— говорит,— чужая, все равно отнимут!» Дзаго, поправь камень, чтобы бревно ровно лежало.

Д з а г о. Сдалось тебе это бревно!

Г а б о. Не говори! На чем старики сидеть будут, когда на сход придут?! *(Кричит.)* Мади, вставай, доченька, подружки твои уже к Тереку за водой пошли!

Д з а г о. Так что ты решил? Обратно в горы или здесь останешься?

Г а б о. Для пахаря земля — его жизнь! А в горах все время дрожишь, вдруг сохой чужую межу заденешь или косою соседский участок прихватишь! Разве это дело?! А здесь! Земли-то сколько! И какой!

Д з а г о. Ты посмотри, как народ ожил! Словно муравьи на своих участках копошатся! Кто с лопатой, кто с сохой, даже плуг нашелся! Жалко, пока быков и лошадей нет!

Г а б о. Будут! Была бы собака, а блохи заведутся!

Входит З е л и м, он бьет по куску жести.

Эй, парень, ты чего — над самым ухом? Так и сердце разорваться может!

З е л и м *(совершенно охрипший)*. Э-ге-ге-гей! Народ! Слушайте! Все на сходку! Все, все! И мужики, и бабы!

Г а б о. Эй, курьер канцелярский, не услышат тебя! Голос-то как у утенка, что первого снега глотнул!

З е л и м. Каждый день вас созывать — вообще без голоса останешься!

Д з а г о. Не надо орать! А ты так стараешься, что кишки вылезают!

З е л и м. Я все от души делаю! Кричать так кричать! Вы пока с места сдвинетесь — пополам разорвешься. Еще так по-дурацки поселились... Одних во-он куда занесло, другие здесь сгрудились. Вас словно зерно разбросали! *(Кричит.)* Э-ге-гей! Люди! *(Тихо.)* Нет. Не звучит! *(Шепотом.)* Люди! Дими вас на сходку собирает! Пусть потом никто не говорит, что не слышал меня!

Г а б о. Кроме нас с Дзаго, тебя никто не слышит!

Входит Т а з е.

З е л и м *(Тазе)*. Тазе, прокричи один раз за меня, я тебе револьвер дам. Ну, трудно тебе, что ли? Если я народ не соберу, Дими с меня шкуру снимет!

Т а з е. Я тебе не осел, чтобы кричать на все село! Бей в железо!

З е л и м. Ну и черт с тобой! Я их сам от мала до велика соберу! *(Три раза стреляет из револьвера.)*

Г а б о. Ты что, очумел? Три выстрела — тревога!

З е л и м. Лишь бы собрались!

Г а б о. Откуда у тебя этот револьвер?

З е л и м (*обиженно*). Как это — откуда? Меня за мужчину не считаешь?

За сценой шум народа.

Смотрите, бегут как миленькие! На звон — не идут, на крик — не идут, а на выстрел — бегут!

Вбегают люди, слышны отдельные голоса.

Г о л о с а. Что за тревога?

— Опять скот угнали?

— А где охрана была?

— Спросите у курьера!

З е л и м (*охрипший*). Ти-хо, ти-хо, ти-хо! Тихо, вам говорят!

Все притихли.

Сходка! Понятно? Сейчас председатель речь держать будет!

Стук копыт, быстро входит Д и м и.

Д и м и. Утро доброе, товарищи! Что за выстрелы?

Все молчат.

Я вас спрашиваю? Три выстрела — сигнал тревоги!

Г а б о. Да вот твой курьер будто всю ночь на свадьбе пел — охрип! Решил всех собрать! Голоса нет, ума — тоже!

Д и м и. Парень, дай револьвер! Кому говорю?

Зелим отдает револьвер.

Твой отец, да будет ему земля пухом, с этим оружием устанавливал советскую власть. После его смерти оно к тебе перешло, как память об отцовской чести! Дорожи им! Оружие вынимают в бою, и обращаться с ним надо с умом! Дошло?

З е л и м. Дошло!

Д и м и (*отдает*). Бери!

З е л и м (*берет*). Спасибо.

Г а б о. Дими, говорят, ты вчера в городе был? Какие новости привез?

Д и м и. Новостей много. (*К народу.*) Люди! Надо посоветоваться. Кто на этой земле не хочет оставаться, пусть говорит сейчас.

Л а д и. Дими, дорогой, люди добрые! Этот вопрос касается всех нас! Конечно, хочется здесь остаться. Какой разговор! Земля хорошая. Терек рядом, город недалеко! Что еще нужно?

Г о л о с а. Правильно! Правильно!

Д и м и. Ну так что же?

Л а д и. Мы обоснуемся здесь, начнем дома строить, а в один прекрасный день нам скажут: «Ну-ка, освободите чужие земли — и с богом туда, откуда пришли!» Разве я не прав?

Г о л о с а. Прав!

— Конечно, прав!

— В том-то и дело!

Д и м и. С этих земель нас никто не попросит! Не для того мы делали революцию, отбирали земли у богатеев. Здесь, на этой земле, отныне будет село. И кто будет жив, через десять — пятнадцать лет увидит, каким оно станет. Это решение нашей народной власти.

Одобрительные возгласы, оживление.

Г а б о. Слово можно сказать? Слово? Одно слово?

Д и м и. Извини, Габо. Пока только мужчины говорили! Почему женщины словно воды в рот набрали! Это неверно. Без согласия женщин мы ни одного решения не примем. Это закон новой жизни!

Г а б о. Эх, Дими, Дими! Так хорошо начал и так плохо закончил. Оставь женщин в покое. Только в том селе, где мой враг живет, да будет женщина советчицей. Пусть останутся довольны тем, что присутствуют на нашей сходке!

Д и м и. Подожди, подожди, Габо! Кто равноправия женщин не признает, того мы лишим права голоса.

Г а б о. Пожалуйста, дорогие мои! Как хотите, так и делайте! Женщина, где ты? Она у меня с ноготок, опять где-то потерялась. Фуфа! А-а, вот и она! (*Выводит из толпы очень маленькую женщину.*) Иди, солнышко, иди. Садись на мое место. Разве не пропащее то село, которое нуждается в ее совете?

Шум, возгласы, возражения, смех.

Что вы зашумели, я не ваших жен критикую. Ну взгляните на нее, это же амбарная мышь! Что она вам может посоветовать толкового?

Г о л о с а. Как же ты на ней женился?

— Говорят, даже похитил!

Г а б о. Да не похитил! А просто в карман положил и принес домой. Не поверите, до сих пор с трудом ее под одеялом нахожу!

Д з а г о. Зачем же с ней живешь, если она тебе не нравится?

Г а б о. Э-э, не скажи! Она у меня хоть и маленькая, а плодовитая, как зайчиха! Семерых мне принесла, и все девчонки! Представляете, что со мной будет, когда они вырастут и начнут держать совет в моем доме! Мужчины! Скажите свое веское слово! Может ли баба командовать? Как собака вертит хвостом — я видел, но чтобы хвост вертел собакой — такого не бывает.

Д з а г о. То, что у тебя одни девчонки, это не ее, а твоя вина, дорогой!

Г а б о. Смотри ты! Ну что ж, тогда извини, женушка! На, надевай мою папаху и начинай командовать. (*Нахлобучивает ей на голову свою папаху.*) Но запомни: по моим понятиям, ты меня скоро опять обрадуешь, если и в этот раз девчонку принесешь — берегись! Люди, будьте свидетелями!

Сконфуженная Фуфа убегает, все смеются.

Д и м и (*смеясь*). Габо, а ты не боишься, что мы лишим тебя права голоса?

Г а б о. Дими, дорогой, это хорошо или плохо?

Д и м и. Для тебя плохо, не будешь иметь слова в наших делах.

Г а б о. Э-эх, голубчик, мне и так не сказать слова там, где женщины будут присутствовать. Чего скрывать, люди добрые, эти красавицы и без права любят поболтать, а если им еще права предоставить? (*Скороговоркой выпаливает какую-то длинную непонятную фразу.*)

Люди смеются.

Вы поняли, что я сказал?

Г о л о с а. Ничего не поняли!

Г а б о. Я так и думал! Так вот, если вы хотите, чтобы мы перестали друг друга понимать, уступайте бабам свои голоса! Ну, бабы, начинайте кудахтать!

Все смеются.

З а л и (*выходя вперед*). Простите меня, соседи. Приятно, когда люди смеются, шутят. Хорошо, что наступили такие дни!.. (*Вдруг замолчала.*)

Д и м и. Говори, говори, почему замолчала?

З а л и. Может быть, не к месту мое слово. Только сказать за меня некому... Сейчас каждый должен решить свою судьбу: оставаться здесь или идти в горы... А что мне делать, куда податься? Был муж — погиб на войне. Младший сын — на руках моих скончался... Был кров — зола теперь вместо него. Куда мне с первенцем моим деваться? В водовороте жизни бросает меня из стороны в сторону, то об острый камень ударит, то в глубину потянет, а когда выплыву на тихую воду — слезы горькие душат! От кого мне помощи ждать, когда у людей для себя самих рук не хватает? Здесь старшие посмеялись над нами. (*Горько.*) Ну что же, оставайтесь в своих правах, мужчины, с богом!

Д и м и. Понимаю тебя, Зали. Но не одна ты вдовой осталась... Власти знают об этом. Вот распоряжение центра. (*Вынимает бумагу, читает.*) «Списанных из армии лошадей передать беженцам». Нашему селу сорок восемь лошадей перепало.

Шум, возгласы одобрения.

Тихо! Кто землю не успел вскопать, перепашем. И в первую очередь поможем тем, у кого мужика в доме нет. Не бойся, Зали, есть кому протянуть тебе руку помощи. Но это не все. Главного я еще не сказал.

Д з а г о. Неужели еще есть что-нибудь важнее сказанного?

Г а б о. Глядите, председатель боится — если он нам все сразу выложит, у кого-нибудь от счастья сердце лопнет!

Д и м и. Из рода в род жили мы в темноте и бедности! Хватит! Я будущее нашего села в мечтах своих вижу. Но мечты надо в жизнь претворить. Так вот, чтобы построить крыши над головой, из Москвы нам денежная помощь пришла!

Г о л о с а. Чего же ты молчал?

— Надо было с этого начинать!

— Сколько прислали?

— Ай да Дими! Где же деньги?

— Давайте делить!

Г а б о. Ну что ты нас морочишь, Дими? Здесь дело ясное: если бедняку землю дали, зерно дали, коня дали, да еще и деньги дают, чего же ему еще нужно?! Его теперь палкой отсюда не выгонишь?! (*Народу.*) Вот вы мне рот заткнуть хотели, когда я про баб тут говорил! А теперь я вас спрашиваю: Ленину эту мысль о помощи для нас жена подсказала? Ей-богу, нет! Так может решить только мужчина, настоящий мужчина!

Д и м и. Габо, ты опять не о том!

Г а б о. Правда? Э-эх, была бы у меня возможность, разве стал бы я жить вот с этой... Где она? Эй, муравей! Вот чудеса, дома она вроде нормальная, а на людях меньше своего языка становится!

Д з а г о. Габо, ты можешь помолчать немножко? Что у тебя, челюсть отпала, рот закрыть не можешь? Дими, говори!

Д и м и. Кто хочет вернуться в горы?

Все молчат.

Нет желающих?

Г о л о с а. Нет, нет!

— Только здесь!

— Ищи дураков!

Д и м и. Тогда если строить село, то по-новому, не как раньше в горах, где дом над домом лепился! Разметим улицы, нарежем участки, а соседей выбирайте сами!

Г о л о с а. Выберем!

— За этим дело не станет!

Л а д и. А деньги? Деньги когда будем распределять? Как делить будем: на человека или на семью?

Д и м и. Вот над этим надо поразмыслить!.. На полученное никто из вас дом не построит... Поэтому есть у меня такая мысль... Кто из вас умеет читать? Пусть поднимет руку! Никто. А кто умеет писать? Тоже никто? Когда человек беден — это беда, когда он безграмотный — это беда вдвойне! Когда народ беден — это несчастье, когда он темен — это катастрофа! Надо положить конец этому бедствию!

Г о л о с а. Ты говоришь правильно, но к чему кло-
нишь?

— Как же мы можем научиться читать?

— За деньги?

Д и м и. Сейчас поймете! И если вы избрали меня своим председателем, оказали такую честь, доверьтесь мне, под-

держите... Давайте жизнь села начнем со строительства школы. Такой же большой, как в городах! И пусть то, что не имеем мы, будет у наших детей! Что скажете на это?

Все молчат.

Молчите? Не по сердцу вам мое предложение? Скажите! Дзаго?.. Лади?.. Женщины? Габо?

Г а б о. Меня не спрашивай! Мне некого посылать в школу. Дома семеро детей, и все девчонки!

Д и м и. В школе будут учиться все: не только мальчики, но и девочки.

Г а б о (*смеется во весь голос*). Ну и странный ты, Дими. Башковитый, а говоришь смешные вещи! И что ты все время о бабах беспокоишься? Так я и послал своих девчонок в школу! А кто их кормить будет? Вот участок получу, все семь пар ног саман месить будут. Как только оперятся — замуж выдам! Это и есть их школа! Так что, Дими, гони деньги, которые мне Ленин прислал, а что на них построить — найду!

Д и м и. Так, понятно. Кто еще? Лади, ты что скажешь?

Г а б о. Вот-вот, пусть Лади и строит, у него четверо сыновей!

Л а д и (*нехотя*). Не знаю, что и говорить... Конечно, хорошо построить такую школу, как в городе... А кто ее строить будет? Из чего? Сами мы вон в шалашах ютимся, ветер нас продувает насквозь, а ты нам о школе толкуешь! Четверо сыновей у меня — это правда, только они мне нужны для работы, а не для школы!

Д и м и. Неужели среди вас не найдется никого, кто бы хотел отдать своих детей в школу?

Г а б о. Эх, милый, хотел бы, да кишка тонка! Люди, давайте честно, какая там школа? По плечу ли нам? Разве заставишь синичку снести гусиное яйцо?

З е л и м. Эх вы, люди! Мне стыдно за вас! Темнота! Разве от такого отказываются?

Д з а г о. Но, но! Не хватало того, чтобы ты нас умуму разуму учил! Всего-навсего канцелярский курьер. Ну и знай свое место.

З е л и м. Да, я — курьер! Ну и что? Сегодня курьер, а завтра, может, ученым буду! Вот видите — книга. Хотите, любую страницу прочитаю! Я днем — курьер, а ночью — грамоте учусь, даже стихи пробую писать!

Г а б о. Ты, Зелим, лучше расскажи, как голос поте-

рял? Помните, люди добрые, на прошлой сходке разговор был, что грабежи участились, а собак в селе нет. И вот этот болван, курьер наш, совершил ночной набег на соседнее село! Пса похитил! Сроду такого не видал! Громадный, в один раз полбарана съедает, хвостом виляет, только лаять не лает!

Все смеются.

Так он решил научить его лаять. Весь свой харч собаке несет, собака все съедает, а этот — лает!

Хохот.

Д и м и (в гневе). Габо! Если ты приходишь, чтобы паясничать, лучше бы сидел дома! Серьезные дела решаем, а ты все в балаган превращаешь! Вы высказались? Теперь позвольте и мне! Когда-то к нам пришло письмо. Во всем ущелье не нашлось человека, который смог бы его прочитать. Это письмо так и осталось неп прочитанным. Когда на японской войне был и моя жизнь на волоске висела, как мечтал я получить весточку из дома! Четыре года мои родные не знали, говорить ли мне «Царство небесное!» или пить за мое здоровье! Тогда я и понял: безграмотный человек — словно скот бессловесный! С тех пор мечта о школе засела гвоздем в голове! Школа для детей наших! И вот наступил день! Вас много, а я один. И говорю вам: вот на этом месте, в этом селе, быть школе! Ее будем строить все — и те, у кого сыновья, и те, у кого дочери, и те, у кого вообще нет детей! Я первый засучу рукава! Положу первый камень! Вобью последний гвоздь! А кто попробует помешать в этом, пусть пеняет на себя! На этом сходку заканчиваю!

Народ молча расходится. Звучит хор. Ирбек подходит к Дими.

Ирбек. Народ в одну сторону, ты — в другую? А разве ты, отец, не забегал вперед? Думаешь, ты был прав?

Д и м и. Прав.

Ирбек. Это же насилие.

Д и м и. На первый взгляд... Бедняк дорвался до земли и от радости дальше земли ничего не видел. «Земля! Земля!» Жизнь не только в земле. И школа нужна была людям. Земля и школа!

Ирбек. Видишь, отец, ты в то время, в тех условиях

о школе думал! А меня сейчас упрекаешь, что тороплюсь со своим дворцом?!

Д и м и. А чего было ждать? Пока люди набьют свой живот и насытятся? Извини, сынок... Ты теперь старше меня, не мне тебя учить... Но я одно усвоил в жизни: когда человек чересчур сыт, его больше ко сну клонит. Один врач меня учил: лучше недоест, чем переест! От сытости сердце жиром обрастает, мысль ленивой становится, тело — рыхлым!

И р б е к. Твоя правда... Я знаю сердца, покрытые жиром! Трудно до них достучаться!..

Д и м и. Такой жир хуже плесени... Нам тогда не до жира было!

И р б е к. И нам было не до жира. В войну, например. Кто тогда о животе своем думал? Родина, земля, народ — вот чем жили!

Д и м и. Великое испытание... При мне еще начиналось. Я помню войну в Испании... Не думал, что этот огонь так быстро доберется до нас.

И р б е к. Да, он добрался. Тебя не стало в тридцать седьмом. А через четыре года... Война — какой еще не было!

На сцене возникает памятник: конь, склонивший голову перед павшим солдатом.

Д и м и. Что это?

И р б е к. Памятник односельчанам, павшим на войне... Сто сорок имен...

Д и м и (*снимает шапку*). Светлая память! (*Читает.*) Знакомые имена.

И р б е к. Мои ровесники.

Д и м и. Это хорошо, что чтите их, помните!

И р б е к. И я войну прошел от и до. Дважды в танке горел. Ран — не перечеть. Каждый раз думал — конец. Нет, выживал! Наверное, судьбе угодно было, чтобы у Дими остался продолжатель... Видишь, вернулся. И с тех пор — председатель.

Д и м и. Хочу спросить, кто во время войны стал председателем?

И р б е к. Во время войны избрали... Знаешь, кого?

Д и м и. Кого?

И р б е к. Зали.

Д и м и. Не может быть...

И р б е к. Всю войну председательствовала.

Д и м и. Зали, Зали...

И р б е к. Сколько я видел добра от нее!

Д и м и. Зали, Зали...

Хор. Дими и Ирбек опять в тени. На сцене возникает мазанка. З а л и выносит фынг — маленький круглый стол на трех ножках. Г а б о и З е л и м садятся на трехногие скамейки к столу.

З а л и. Хочется угостить вас получше, но...

Г а б о. Главное, чтоб от души... Много ли надо человеку? Зелим, засиделись мы с тобой!

З а л и. Выпейте еще по одной! *(Наполняет рог.)*

Г а б о. Нет, нет, нет! Зелим, а ты что скажешь?

З а л и. Что загрустил?

Зелим молчит.

Г а б о. Оставь его, Зали, он не слышит. Спит. Да, да! С ним часто так бывает. Уставится в одну точку, хоть под ухом стреляй, не слышит! Глубокий сон!

З е л и м *(в том же положении)*. Темнота!

Г а б о. Видишь, во сне разговаривает!

З е л и м *(так же)*. Я не сплю... Это не сон глубокий, а мысли глубокие!

Г а б о. Мысли? Скажи пожалуйста! А о чем? Как научить собаку лаять?

З е л и м. Собака моя давно лает...

Г а б о. Неужто? О чем же тогда заботы твои?

З е л и м. Долго ли мне еще твою темноту терпеть?..

Г а б о. Значит, я темнота, а ты свет?

З е л и м. Вот видишь, Зали, разве он поймет?! Зачем ты заставил меня выпить?! Ты же старший, знаешь, в рот не беру... и заставил?

Г а б о. Весь день в лесу мерзли, дрова Зали привезли! Она обидится, если откажешься.

З а л и. Конечно, обижусь!

З е л и м. Так ведь не пью я, Зали! Утром рано на работу... За известкой...

Г а б о. Хватит болтать! Ты уже мужик, скоро женить будем, пора мужской характер проявить! А ты все: работа, работа! Дими тебе совсем мозги набекрень перевернул!

З е л и м. Ты Дими не трогай! Дими — мужчина! Всем мужчинам мужчина! Как он все село разворошил! Всех на ноги поднял!

Г а б о. Когда рог в руках у старшего, младший должен молчать!

З е л и м. Прости, Габо. Дай его мне!

Г а б о. Так ты же не пьешь?

З е л и м. Хочу быть мужчиной!

Г а б о. Пожалуйста! Если бокал поспособствует этому — держи!

З е л и м (*берет рог, проникновенно*). Зали, мы тебе ничего особенного не сделали... Подумаешь! Дрова не только тебе возим! Всех обеспечиваем, у кого мужчины в доме нет! Почему? А потому, что Дими велел. А если он сказал, значит — все! Некоторые жалуются, он резкий, покоя от него нет... В этом есть доля правды... Как-то мне так заехал по щеке, до сих пор в ушах гудит! Вот это мужчина! Так мне и надо было! За весь день не мог с реки четыре брички песку привезти! На второй день — четырнадцать привез!

Г а б о. Подставь ему другую щеку, может, двадцать четыре привезет?

З е л и м. Надо будет — подставлю! Не пожалею! Так выпьем за Дими! (*Залпом пьет.*)

Г а б о. Ты что обычай нарушаешь? Как мог выпить раньше старшего?

З е л и м (*не обращая внимания на Габо, вдохновенно*). Если бы его все так понимали, как я! За месяц бы школу отгрохали! Чтоб тебе сто лет прожить, Дими! Почти безграмотный, а какая голова!

Г а б о. Что ты заладил: Дими, Дими! Была бы у него голова, была бы и жена!

З е л и м. Тоже мне сказал! Не смешно!.. Некогда ему, понимаешь? Нами занят. Вот построит школу и женится! И он женится, и я что-нибудь соображу!

Г а б о. Ты прав, дружок, тебе пить рановато! Сразу вся дурь наружу вылезает!

З а л и. Это потому, что на голодный желудок!..

Г а б о. А я что, на полный? Я же не забываю, что сижу не в доме Дими, а в доме Зали! В ее доме!

З е л и м. Бедняга! Как ты не поймешь, он твоих семерых дочерей к свету тянет!

Г а б о. Почему семерых? Рано черту подводить! Разве мои оставшиеся дни крысы съели?

З е л и м (*начинает петь*).

Как солнца луг

Ты для меня.

Тебя бы лучше не встречать!

Хорошие у тебя девчонки, Габо! Одна другой краше! Ласточки мои!

Габо. Что ты сказал?

Зелим. Вчера смотрю на них, они в камушки играют. У нас все девчонки наберут на берегу камушков, гладеньких, кругленьких, как голубиное яичко, — и пошла игра! Но за твоими никому не угнаться! Такие ловкие, такие быстрые! Подкинут сразу пять штук и поймают, подкинут и поймают! Глаза блестят, улыбка во все лицо, зубы — что кукурузные зерна! Вот так и хотелось их всех, как камушки, подкинуть и — хоп! — поймать! Подкинуть и поймать!

Габо. Вот наглец! Моими девчонками швыряется! Видишь, Зали, его еще в люльке надо было прикончить!

Зелим. Вырастут, школу окончат, замуж выйдут — счастливые будут дома, куда они войдут!

Габо. Они свое счастье найдут, век у отцовского очага сидеть не будут, а тебе-то что?

Зелим (*хитро улыбается*). Не скажи, Габо! Вот вместе с твоими в школу пойдем и там разберемся!

Габо (*Зали*). Ошалел, что ли! Как он смеет?!

Зелим. Эх, старина! А почему не смеет! Не для того мы революцию делали, чтобы свою любовь в карман прятать, а прямо сказать: «Габо, влюбился я в твоих дочерей!»

Габо (*вскочил*). Зали, держи меня, я сейчас его голову к другому месту приставлю!

Зали (*удерживая Габо*). Прости его, Габо. (*К Зелиму*.) И ты хорош! Не отдаст он теперь за тебя дочь.

Зелим. Пусть попробует! Революция ему таких прав не дает! Скорее бы самому разобраться, какая из них мне больше по душе! Ей-богу, это трудно! Смотришь и не знаешь, какую выбрать! Голову теряешь!

Зали. Да замолчи ты!

Зелим (*разошелся*). Не замолчу! Думаете, выпил и потому осмелел?! Нет! Эх, жаль, не до любви сейчас! Время такое, дел по горло! А школу закончим — и скажу Дими: веди одну из старших дочерей Габо! И вы увидите, как я осчастливлю ее.

Габо (*выворачивает кукиш*). Вот тебе! Спасибо за хлеб-соль, Зали! Чтобы через твой порог вот такой дурак больше никогда не переступал!

Зелим. Зря кричишь! Скоро и твой порог переступлю! Имеет семерых дочерей...

Г а б о (*перебивает*). Ах чтоб тебя! Забирай их всех, если уж так понравились!

З е л и м. Всех семерых? Нет, я не мусульманин... А вот одну обязательно заберу! (*Поет.*)

Твоих речей

Звенит ручей

В душе взволнованной моей!

Г а б о. Клянусь вот этими усами, я натравлю на тебя всех дочерей и Фуфу в придачу, чтобы они у тебя ребра пересчитали! (*Осушил рог.*) Спокойной ночи, Зали! Ах чтоб тебя! Разозлил меня этот курьер!

З а л и. Прости его, ради бога, не сердись!

Габо схватил свой кнут и ушел.

З е л и м (*вслед*). Натрави их на меня, натрави! Пусть считают мои ребра! Я буду счастлив! Если бы даже у тебя было семеро сыновей, все равно не испугался бы! (*Смеется.*) Ты знаешь, Зали, какой у меня был случай? На слободке, в городе, четверо на меня напали: они меня колотить, а я их — щекотать! Ты думаешь, кто кого? Любой удар, дорогая, можно перенести, а щекотку — невозможно! Я жду, Габо! Давай сюда твоих дочерей! Увидишь, от их хохота у тебя слезы потекут!

З а л и (*смеясь*). Зелим, дорогой! Была бы у меня дочь, с радостью тебе отдала! А теперь иди, коня жалко. Хозяина ждет! За твое добро и заботу отплатить вряд ли смогу, а помнись буду. Покойной ночи!

З е л и м. Не гони. Все равно не уйду. Приказала бы ты мне — иди, прыгни в пропасть — не задумался бы, сделал это. Нет у меня ни матери, ни отца, ни сестры, ни брата. Вот так и живу, в одиночестве. (*Улыбается.*) Станный я какой-то! Сидеть сложа руки не могу. Все хочу, чтобы мне говорили: сделай это, принеси то! Зали, хочешь, я завтра приду, все дрова перепилю, наколю их? Останется только в печку положить. Хочешь?

Зали молчит.

Сейчас уйду. В голове шумит. Проклятая арака. (*Смеется.*) Почему-то петь хочется... Только не громко... а тихо, тихо... у тебя не бывает? Песня — это же для души... После нее дышать легче. Как после жары — дождь. И дышишь полной грудью. Так и песня...

Зали тихо запеваёт. Зелим подхватывает... И полилась песня. Входит Дими, останавливается в дверях, слушает. Его заметили, прервали песню.

Дими. Пойте, пойте. Проходил мимо. Слышу — песня. Приятно...

Зали. Нечаянно вышло.

Зелим (*растерялся*). ...я говорю: «Давай выпьем по одной!» Нет! Тьфу! «Давай,— говорю,— споем... по одной!..» Короче, когда человек выпьет, душа песню просит!.. Дими, окосел я, как козел Мурата от соседской бурды! Вот тебе моя голова, руби!

Зали. Зелим, ты что?.. Он мне с Габо дрова привез, Дими... По одному рогу выпили... Вовсе он не пьяный... Что ты молчишь, Дими? Скажи ему что-нибудь.

Дими. Мальчишка ты еще... Бери лошадь — ступай к нам. Ночевать у нас будешь. Ирбек дома. Только...

Зелим. Я понял. Если когда-нибудь позволю себе еще... Пусть твой гнев меня под землей найдет...

Дими. Ладно. При старших не положено много говорить.

Зелим уходит. Дими и Зали молчат.

Зали. Так растерялась, даже сесть не предложила! Садись.

Дими. Спасибо.

Зали. Может, выпьешь?

Дими. Нет, нет. Где же твой мальчонка?

Зали. У родственников. В горах. В доме дров не было.

Дими. Вот пришел, а зачем, сам не знаю...

Зали. Говорят: «Порог бедняка крапивой зарос...» Редко кто переступить решается...

Дими. Я давно собирался... Мы теперь соседи.

Зали. Да, живем через дом. Ирбека часто вижу...

Дими. Без присмотра парень... Дома почти не бываю... Голодный остается...

Зали. Я бы с удовольствием... Пусто в доме у меня... А что стоит накормить... Дими. Прости, что по имени называю.

Дими. А как же иначе?

Зали. Я тогда обидела тебя... Там... Что говорила, сама не понимала... Я не знала, что и твоих трое... в один день... С тех пор каждый день в душе прощения прошу... А теперь... ты рядом... Прости меня!

Д и м и. Я не в обиде... Когда у человека горе, лучше выплеснуть его... Я не в обиде.

Молчат.

Вижу: волнуешься... Я понимаю. Время позднее. В доме молодой вдовы — мужчина! Вдовец. Заметят — разговоры пойдут.

З а л и. Не знаю... Сказала бы тебе «уйди» — покривила бы душой. «Останься!» — время позднее... сын небось тебя ждет.

Д и м и (*улыбнулся*). Сколько условностей в жизни... Мы с тобой вдвоем сейчас. Третьего нет, а он нам мешает. Мы даже не знаем, кто он, а боимся! Может быть, он даже вовсе не существует, а все-таки страшно...

Внезапно открывается дверь. Появляется З е л и м.

З е л и м. Третий — это я! Не бойтесь! Говорите! Дими, да я не только к дому, к улице никого не подпущу! Зали, да я за вас двоих оба глаза отдать готов! Зали, не гони его! Он тебя любит!

Д и м и. С глаз моих долой, безголовый! Пропади!

З е л и м. Я пропаду, беда небольшая, но если ты пропадешь!.. А ты пропадешь, если от Зали будешь прятаться, умный Дими! Ей-богу, пропадешь! Всех уму-разуму учишь, а самого поучить некому. Так что слушай меня: революция так революция! Я исчез! (*Убегает.*)

Д и м и. Вот наглец! Что он здесь плел? Прости, ради бога... Знал бы — не пришел... Ты посмотри на этого болтуна! Прости! (*Собирается уходить.*)

З а л и. Подожди. Бояться мне надо, а убегаешь ты... Ты же все-таки мужчина...

Д и м и. Краска с моего лица теперь неделю не сойдет! Можно подумать, я что-нибудь говорил этому болвану! Даже намек не было, откуда он взял?словно огнем опалил! Ну попадись мне!.. Я пришел посмотреть, может, помочь чем... Дом без мужчины...

З а л и. Не люблю, когда жалеют... Дом без мужчины.. Ну и что? Смотри, вот две руки, не слабее мужских... Голова на плечах... Между прочим, есть и сердце... После смерти мужа думала — оно умерло. А ветер подул — и разгорелись угли. Зачем мне женская доля досталась? Чтобы не сметь самое заветное вслух сказать?! Уходи, Дими. Уходи, прошу! Уходи, но знай: впервые мы с глазу на глаз... Женщина я, может, не к лицу мне... Но если

твой порог переступит другая, не жить мне на этой земле... Не суди меня... И горянка может любить, ласкать... Если даже позорные песни про меня сложат, к конскому хвосту меня привяжут, все равно не смогу скрыть, что на сердце! Выйду завтра на люди, в полный голос скажу: «Не вмещается любовь моя в груди! Люблю Дими! Слышите все, люблю!»

Вбегает Зелым.

Зелым. Эх, жизнь моя, революция!

Дими (*взбешенный, выхватывает револьвер*). Зелым! Пристрелю как паршивую собаку!

Зелым. Стреляй, Дими, стреляй! Если твоя любовь требует моей крови, проливай ее, проливай!

Хор.

Занавес

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Стройка. Строительные леса. С одной стороны стол и табурет. Крестьяне носят на носилках кирпич, провозят в тачках песок, бревна, доски, раствор в ведрах.

Зел и м. Тазе, зачем один такое бревно тащишь? Дай помогу.

Тазе. Чего волнуешься? Не домой же тащу!

Зел и м. Грыжу наживешь, а ты еще здесь нужен!

Тазе, оттолкнув Зелима, смотрит на Габо, который идет навстречу с тачкой.

Габо (*Тазе*). Что ты на меня уставился, словно мой теленок твои новые портки сжевал? (*Собирается уходить.*)

Тазе. Нет, стой! Хочу перед народом тебя спросить, над кем ты издеваешься?

Габо. Ха, испугал меня!

Зел и м. Что у вас там еще?

Тазе. А то! Не хочу больше иметь такого соседа! Переселяй его! И подальше!

Зел и м. Чем он тебе не угодил?

Тазе. Угодил? Заставил меня яму копать! Да еще какую!..

Габо. Ну что замолчал? Говори, говори! Люди добрые, Тазе будет глупости делать, а я в ответе?! Как-то пошел я в огород. Семья у меня, сами знаете, большая, и, думаю, надо построить там... Ну как вам объяснить?.. Заведение, куда мусульманин с кувшином ходит... Человек я выдавший виды. Порядки знаю... Как до революции обходились, теперь уже не положено. Короче, выбрал место. Отмерил. И так, и эдак... А этот со своего участка на меня смотрит и пристаёт: что ты там ищешь? Ну какое ему собачье дело? Вот скажи ему, и все! Тогда я ему говорю: знаешь, дошли до меня слухи, что именно на этом месте клад зарыли! Только, говорю, глубоко. Метра два, а то и больше! Вот хочу, мол, испытать свое счастье! В это время мне из дома кричат: «Скорее, Габо, твоя

жена Фуфа тебе двойню принесла!» Двух девчонок! Будто в меня из двухстволки выстрелили! Эх, Фуфа, Фуфа! Чтоб тому, кто нас сосватал, на том свете карабахские ишаки в ухо кричали! Бросил я, конечно, свое дело и пошел домой. Наутро выхожу, а на отмеченном мною месте — яма, здоровенная! Вот этот мудрец всю ночь там клад искал!

Все смеются.

Люди добрые, в чем тут моя вина?

З е л и м. Тазе, ты больше никому об этом не рассказывай! Засмеют тебя!

Т а з е. Зачем он меня обманул? Я понадеялся: вот наконец свои дыры заштопаю! Ну попросил бы меня просто помочь.

Г а б о. Не огорчайся, сосед. Вот дострою тобою начатое, первое слово там — тебе дадим!

Мужчины, смеясь, расходятся. Появляется Х е ч о в фартуке.

Х е ч о. Ты что, парень, мух ловишь?

З е л и м. Я?.. Разве?

Х е ч о. Без денег иногда работают. Без харчей — бывает, а вот чтобы без воды — не видал! Хочешь рабочих разогнать? Воду!

З е л и м. Эх, Зелим, опять зеваешь! Дядя Хечо, я мигом! *(Хватает ведра.)*

Х е ч о. Дими не приехал?

З е л и м. Нет еще. Скоро будет. Двадцать пять бричек кирпичика должны привезти!

Х е ч о. Хотя бы. А то на сегодня не хватит! Ту стену начали — бросили, эту — совсем не начинали!

З е л и м. Ничего. Главное — начать. И чтобы вы, строители, от души работали! А стенки можно из самана сложить!

Х е ч о. Из самана — школу? Услышал бы тебя Дими.

З е л и м. Да шучу я! Кирпич — будет, вода — будет, школа — тоже будет. Ксения! Ко мне! Даро!

Вбегают д е в у ш к и.

Вот тебе два ведра! Это тебе! К Тереку быстро! По два рейса! В ту бочку! Быстро! Одна нога здесь, другая — там!

Девушки убегают.

Хечо. Молодец, парень! Без тебя это село пропало бы!

Зелим. Конечно! Что за село без Зелима?!

Хечо. Слушай, ты парень толковый! Целый день на ветру! Аракой ниоткуда не несет? Хорошо бы пропустить!

Зелим. В этом селе чем только не пахнет! А вот аракой — нет!

Хечо. А, бестолковый! Что за село без араки? Послушай, как вы живете? Ни свадеб у вас, ни поминок! Не где мяса вдоволь поесть! Зелим, а вот загадка — почему на поминках мясо особенно вкусное бывает?

Зелим. Да? Не знал. На твоих поминках попробую разгадать!

Хечо. Эй, парень! Еще неизвестно, кто на чьих поминках пировать будет! Ты, может быть, еще раньше меня ноги протянешь.

Зелим. Вряд ли!

Хечо. Почему?

Зелим. Потому что по мне некому поминки справить. Я одинок как перст! Думаешь, прошлый раз, когда на меня бревно покатилося, почему я концы не отдал? Или летом, когда с ребятами в Тереке купался и в водоворот попал? Не утонул. Почему? Некому поминки справить! А вот твое дело совершенно другое. Ладно, заболтались! Араки хочется? Будет! Ты мне стены возводи, я тебя не только напою, искупаю в араке! Сколько ваших осталось?

Хечо. Что там осталось?! Двенадцать человек!

Зелим. И все пьют?

Хечо. Все.

Зелим. Чайными стаканами?

Хечо. Чайниками!

Зелим (*возмущенно*). Сапожники! Где я тебе двенадцать чайников достану?!

Хечо. Двенадцать не надо! Два. Понятно?

Зелим. Ну ладно, иди. Дими придет, увидит, болтовней занимаемся, даст нам чайниками по башке!

Хечо. Пусть сперва своему сыну дает...

Зелим. За что? Разве Ирбек... пьет?

Хечо. Эге! Не то слово!.. О! Подводы Ирбек пригнал!

Зелим. Какие подводы?

Хечо. Для досок! Тебе Дими ничего не говорил?

Зелим. Ничего. Какие доски?

Хечо (*вынимает бумагу*). Читай. Вон те доски нам отдал в счет зарплаты. Вот тебе подпись. Вот печать.

З е л и м. У Дими каждая доска на счету. Как он мог отдать? Нет. Подождите до его приезда.

Х е ч о. Дурак! Подводы наняли! Что они, ждать будут? Вот бумага, Ирбека спроси.

З е л и м. Почему же Дими мне ничего не сказал?

Х е ч о. Извини, наверное, не догадался! Сыну сказал, этого не достаточно? Ну, шевелись, отпускаяй! Подводы ждут.

З е л и м. Что ты ко мне пристал? Дими сказал, ну и грузите сами.

Хечо уходит.

Ничего не понимаю! Чтобы Дими отпустил лес? (*Читает бумагу.*) Его подпись... Печать... (*Смотрит вслед Хечо.*) Ишь как быстро грузят! А Ирбек навеселе... Нехорошо!..

Девушки вносят воду.

Девчата, почему так долго? Сливайте в бочку! И еще разок, быстрее!

Девушки ушли.

(*Сел за стол.*) Увозят... И сами уезжают... Даже воды забыли выпить, сволочи.

Входит Бола с портфелем в руках.

Бола. Привет, Зелим!

З е л и м (*вскочил*). Добрый день, учитель.

Бола. Сиди, сиди, ты не в классе!

З е л и м. Ничего. Постоим.

Бола. Что нового? Как ваше строительство?

З е л и м. Через пень колоду... Дими погнал в город двадцать пять подвод за кирпичом...

Бола. Двадцать пять... Сколько их здесь понадобится? Не счесть!.. Головы нет, головы!

З е л и м. Что вы сказали?

Бола. Ничего. Значит, Дими в городе? Ну хорошо... Может, по дороге встретимся? А если нет, то передай ему: Бола отпустил учеников по домам, а сам поехал в город...

З е л и м. То есть как — по домам?

Бола. Зима. Вместо школы — сарай. Ни печей, ни дров, ни книг, ни тетрадей. То на стройку их берут, то в поле зовут. Это — учеба? Безобразие!

З е л и м. Учитель, не уходите! Дими огорчится. А по-

том, какая это зима! Ни одной снежинки! Сегодня же вечером завезу дрова... Зачем вечером? Идемте. (*Берет в охапку стружки.*) Соберу сейчас стружки на стройке и затоплю!

Б о л а. В этом-то и трагедия, что все вы из стружки делаете! А стружка вспыхнет — ни тепла, ни огня, ни золы!

Входит З а л и.

З а л и. Я за вами бежала, учитель. Женщины в сборе. Сегодня все пришли.

Б о л а. Куда пришли?

З а л и. На занятия.

Б о л а. Удивительный народ! Без крова, без хлеба, без огня, а затеяли такую стройку! Школа без стен и крыши... И этого мало! Еще ликбез придумали!

З е л и м. Учитель, не обижай нас. Мы так на тебя надеемся!

З а л и. Женщины бросили свои дела. Ждут. Будет ликбез или нет?

Б о л а. Скажи им, пусть идут по домам. А ты приходи. Из тебя толк будет.

З а л и. Не до шуток мне... Это дело мне поручили...

Б о л а. Вы сначала школу постройте, а потом посмотрим.

З а л и. Школа потребует времени, но не сидеть же нам сложа руки.

Б о л а. Скажи пожалуйста! Сидели же из века в век? А сейчас терпения не хватает! Вам хочется одной рукой пять арбузов поднять?! А так не бывает...

З е л и м. Учитель, вы человек ученый! Революцию для того и совершили, чтобы...

Б о л а. Революцию! А ты знаешь, что такое революция?!

З е л и м. Очень даже хорошо! Революция — это свобода!

Б о л а. Свобода? А что такое свобода?

З е л и м. А свобода... это — революция!

З а л и. Я вижу, учителю не до нас. Зелим, женщины собрались. Может быть, здесь, на стройке, поможем. Найдется для нас работа?

З е л и м. Работы всегда хватает. Вон песок не просеян. Известку в яму надо сбросить. Правда, не женские это дела...

З а л и. Ничего. Мужики за кирпичом поехали. К их приезду и сделаем. Сейчас приведу. *(Уходит.)*

Б о л а. Славная бабенка. Не замужем?

З е л и м. Нет пока... Была... Убили мужа...

Б о л а. Жалко ее... Красивая... И одна... *(Садится.)*

З е л и м. Вы же торопитесь в город?

Б о л а. Успею... Зелим, а почему ты здесь остался?
Дими всю молодежь на учебу погнал.

З е л и м. И меня выпроваживал... Я не согласился.

Б о л а. Нет желания учиться?

З е л и м. Как нет... Очень даже... Но его одного оставить? Помощник ему нужен!

Б о л а. Ты хочешь сказать, что одной его головы не хватает?

З е л и м. Головы? Дай бог ученым бы такую голову!
Не зря его в народе «головастый Дими» зовут!

Б о л а. Почему же тогда этот «головастый» такие пустые дела творит?

З е л и м. Как вам сказать? Чтобы понять его дела, надо голову иметь! *(Увидел женщин.)* Зали, бегу к вам. *(Убегает.)*

Б о л а. За словом в карман не лезут... Смотри на них, обосновались на чужих землях... Обратного не собираются... Дикари!.. Их теперь отсюда каленым железом не выжжешь! Нет, долго вы здесь не продержитесь!.. Уже скрипите! Весной ваша школа бурьяном зарастет!

Входит З а л и, берет лопаты.

Лопата не для женских рук... Особенно для таких, как у тебя!

З а л и. Лопата для трудовых рук...

Б о л а. Но женщина не для лопаты... Ее руки должны быть нежными, как и она сама... Должны ласкать мужчин...

З а л и. Тогда песок останется непросеянным, без песка известка — непогашенной, стена — непостроенной, крыша — ненакрытой, село — без школы останется! А народ не хочет больше оставаться безграмотным! Так что пусть пока женские руки будут грубыми, шершавыми! Зато у наших дочерей они будут красивыми и нежными и будут ласкать мужчин.

Б о л а. Брось лопату. Пойдем со мной, в город. Будешь носить чистую одежду, жить в чистом доме, я найду тебе чистую работу.

З а л и. Неужели? Что же раньше мне об этом не сказали? Разве там чей-нибудь чистый дом без хозяина остался?

Б о л а. Почему без хозяина? Я позабочусь о тебе, одену, пристрою. Ну как? Хочешь?

З а л и. Хочу. Очень хочу в теплый, красивый, чистый дом. Только все это голыми руками не построишь. Нужны и лопата, и песок, и известка. И вы не задерживайте меня, учитель. Мне надо строить такой дом. *(Уходит.)*

Б о л а. Смотри на нее! А жаль!.. Поговаривают, на нее и Дими заглядывается? Есть на что!

Входят Д и м и, Г а б о, Л а д и, С а н д р и другие. У многих в руках кнуты.

Д и м и *(оглядывает стройку)*. А где каменщики?

З е л и м. Уехали.

Д и м и. Так рано?

З е л и м. Была причина. Кирпича же нет.

Д и м и. А почему женщины там работают?

З е л и м. Я велел. Вернее, Зали их привела. Ликбез отменили, и Зали их сюда...

Д и м и. Почему ликбез отменили?

Зелим посмотрел на Бола.

Б о л а. И дети не занимались. Холодно. Печки не топят, нет дров. Писать не на чем... А ликбез?.. До ликбеза ли им? *(Пауза.)* Почему подводы пустые? Кирпич не достали?

Д и м и. Плохо, что дров нет. Зелим, объяви: все, кто ездил сегодня в город, завтра — в лес!

Зелим убегает.

Бола, дрова завтра будут. Но сегодня-то день теплый? Как весной... Запомни, Бола, мы тебя позвали, на тебя как на Христа молимся. В селе детей много, а ты один. Вся наша надежда на тебя. Дети должны учиться, учиться и учиться.

Б о л а. Это не твои слова: «Учиться, учиться и учиться»...

Д и м и. А разве я их приписываю себе? Тот, кто их сказал, наверное, неспроста сказал...

Г а б о. Так как нам быть? Распрягать или еще чего?

Д и м и. Распрягать. А завтра чуть свет в лес.

Лади. Черт побери, когда это кончится? Для своего дома хоть один день можно оставить?

Дими. Я тоже о ваших домах беспокоюсь! Не учились дети сегодня. Дров нет! Вот (*указывает на Бола*) живой свидетель перед вами.

Зелим вводит Аминат, дочь Габо.

Габо (*заметив Аминат*). А ты что здесь торчишь? Зелим. Учитель ее из школы попросил. Можешь, говорит, совсем не приходиться...

Габо. Вот настоящий мужчина! Спасибо тебе за это!

Дими. А в чем она провинилась?

Бола. Просто ей трудно учиться. Ничего не понимает, ничего не знает.

Габо. В отца пошла!

Дими. Если бы наши дети все понимали и знали, мы бы не приглашали тебя. Городским детям легче, они больше видели. Но мы для того сегодня из кожи лезем, чтобы наши дети тоже что-нибудь поняли. И настанет время, когда они будут такими же учеными, как ты, и даже больше. Я верю в это. Не отбивай у нее охоты. Ами, иди сюда.

Аминат подходит, оглядываясь на отца.

Завтра придешь в школу.

Аминат уходит.

Габо. Дими, может быть, ты возьмешь на себя все заботы моего дома? Меня уже никто не спрашивает!

Дими. Я же предупреждал. В этих вопросах пусть мне никто не перечит!

Габо. Извини, пожалуйста! Даже слово собственной дочери нельзя сказать?

Лади. Да простит меня бог, Дими, но, по-моему, ты слишком много на себя берешь! Слова сказать не даешь, все за нас решаешь. Думаешь, народ молчит, так можно ему на голову сесть?

Дими. Говори, говори, Лади. Что замолк?

Лади. В самом деле, что творится? Как говорят: к речке гонит, а пить не дает. Зачем ты моих двух сыновей в город отправил? Они — мои помощники, руки рабочие, а ты их на учебу погнал! И меня припечатал вот к этой кляче: то за песком, то за кирпичом, то за лесом — вздохнуть некогда! Это что за новая жизнь! Всю душу

вымотали! Да еще говорят: «Молчи, Дими — председатель, не смей ему возражать». Да будь ты трижды председателем, а семью мою не трогай! И верни моих сыновей в мой дом! Я там хозяин! Иначе и ни на какие твои стройки шагу не сделаю! Вот тебе мое слово!

Д и м и. Все?

Л а д и. Все.

Д и м и. Лади, дорогой, я же твоих сыновей не на каторгу сослал, а на учебу!

Л а д и. И не только моих! Всех лучших парней села! Даже девчонок.

Д и м и. Что верно, то верно. Но ведь я не для своего дома стараюсь. А что ты скажешь, если завтра в этой школе учителями будут твои сыновья?

Л а д и (*заливается смехом*). Мои сыновья — учителя! Ха-ха-ха-ха! Сказки! А ты сам в это веришь? Да нам бы сперва от вшей избавиться, а потом уже за такие дела братья. Ха, учитель! Вот есть у нас один. И хватит. Понадобится второй — пришлют.

Д и м и. А если больше понадобится? Пятнадцать, двадцать, сорок учителей?

Л а д и. Посылай своего сына!

Д и м и. Я послал. Он учится в городе.

Л а д и. Как бы не так! Он здесь болтается! Все прячется от тебя! То у одних ночует, то у других!

Д и м и. Кто? Ирбек?

Л а д и. А кто еще? Я другого сына у тебя не знаю!

Д и м и (*встревоженно*). Это неправда!

Л а д и. Нет, правда! Берегись! Прежде чем за других братья, ты бы в своем доме порядок навел! А потом и нам поможешь! (*С ехидством.*) Председатель!

Д и м и (*вне себя*). Зелим, седлай коня!

З е л и м. Куда ты, Дими?

Д и м и. Если это правда, на куски его разорву! Коня, Зелим! Седлай!

З е л и м. Я мигом! (*Убегает.*)

Г а б о. Да успокойся, Дими! Зачем так волноваться? Конечно, Лади переборщил!

Топот коня.

Д и м и (*кричит*). Зелим, куда? Вернись! Кому говорят! Угнал коня, негодяй!

Г а б о. Ну и молодец! Соображает... Тебе сейчас конь

ни к чему... Пешком походи, быстрее успокоишься! (К Лади.) А ты тоже хорош! У тебя что, язык чешется?

Л а д и. Хорош, хорош! Вы все за его спиной ему угрожаете, а при нем воды в рот набрали!

Д и м и. Хорошо! Если это правда, пули для него не пожалее! Что еще скажешь, Лади? У тебя все?

Л а д и. Нет, не все! Слушай дальше. Я сказал только от себя. А вот что говорит наша фамилия, род Алборовых. По обычаям горским, тебе это известно, если у вдовы сын, она не может думать о замужестве, а должна растить продолжателя рода! У Зали — сын, он носит нашу фамилию! Тебе это тоже известно! И все же ты... теряешь совесть! Ходишь к ней! Это оскорбление для рода Алборовых!

Д и м и (не выдержал). Довольно! Хватит! Хватит, Лади! Для одного дня слишком много! О своих сыновьях ты еще вправе говорить! А что касается Зали... Где был ваш род, ваша фамилия, когда ей землю некому было вспахать? Даже дрова и те, спасибо Габо и Зелиму, они ей привезли! Обычай вспомнил? Я их чту! Но те, о которых ты говорил, из-за которых в меня целишься, — нет их больше! Так что оставь Зали в покое! Все! Понятно? А теперь меня послушай! Вот ты, Лади, от новой власти землю получил, лошадь, зерно! А взамен ты ничего не хочешь отдавать?!

Л а д и. Мне нечего отдавать!

Д и м и. Больше того... Ты со своим старшим сыном раздел задумал! Прислал ко мне — раздели нас! Зачем?

Л а д и. Как зачем? Он уже взрослый! Шестнадцать лет! Женю его! Пусть живет.

Г а б о. Вот дает! Женишь в шестнадцать лет? У него уже борода?

Л а д и. Пробивается! Будь спокоен! И вообще, не лезь, Габо! Не твое дело!

Г а б о. Ради бога, Лади! Хочешь, даже младшего жени! Но ты сперва научи их, в какую сторону в ветреный день мочиться!

Д и м и. Ну а если мы тебя разделим, что ты ему выделишь?

Л а д и. Все, что положено в таких случаях. Вплоть до деревянной ложки.

Д и м и. А землю?

Л а д и. А землю ты дашь! Он будет самостоятельным, и ты обязан ему дать.

Д и м и. Хорошо. Дадим... А если мы и другим твоим сыновьям дадим землю, поделишься с ними?

Л а д и (*подумав*). Другим не дадите. Они еще... не созрели.

Д и м и. Разделишься — дадим! Ну как?

Л а д и. Если бы дали землю... Почему же...

Д и м и. Земля ведь не отцовская, мне не жалко...

Л а д и. Тогда бы... (*Загораясь*.) Конечно!

Д и м и. Ну а если бы жене твоей дали землю, тогда как?

Л а д и. Что как?

Г а б о. С женой бы разделился?

Л а д и. Габо, какое тебе дело до моей жены? Занимайся своей коротышкой!

Г а б о. Дурак, тебя спрашивают, поделишься или нет? Если да, то зачем мне коротышка, возьму твою долговязую!

Л а д и. Ишь ты, чего захотел! А не подавишься?

Д и м и. Видать, с женой не разойдется. А может, нарежем ей участок из уважения к мужу?

Л а д и (*разозленный*). Чего ты от меня хочешь? То здесь копнешь, то там зацепишь! От земли еще никто не отказывался! Не только на сыновей, если бы даже на покойного отца давали, все равно б взял! Я не бездельник. Попусту язык чесать не привык! И семья моя трудовая! Мой плуг бы от зари до зари землю переворачивал! Двор бы в сплошной амбар превратил! Ой, джиди! Какие деньги выручал бы! Какой дом бы вымахал! Назло вот таким болтунам! (*Показывает на Габо*.) Я люблю работать! Я умею работать!

Д и м и. Да, ты умеешь работать! А хватило бы тебя вместе с сыновьями на все эти земли? Обработать, убирать, продать?

Л а д и. За этим бы дело не стало! Я бы нанял! Вот таких, как Габо! Они бы у меня поработали! В обиде бы не остались — осенью бы натурой получили!

Г а б о. Чтобы Габо тебе этой натурой поминки сделал! Чтобы твоя каланча по тебе волосы рвала!.. Эх, Дими, отдал бы мне власть на денек! Я бы этого землелюба заставил себе зад целовать.

Д и м и. Не-ет, Лади! Кончились те времена! Габо не пойдет к тебе в батраки! А тебя, Лади, хочу предупредить. Не будешь подчиняться нашим порядкам, смотри! Лошадь отнимем! И землю отберем!

Л а д и. Ты меня не пугай! Лошадь у меня от советской власти!

Д и м и. И я тебя предупреждаю от имени советской власти: и кирпич будешь возить, и песок, и дрова! А что касается твоих сыновей, забирай их! Если они, конечно, захотят! А завтра посмотрим, кто из нас жалеть будет!

Л а д и. Посмотрим. *(Уходит.)*

За ним идет Габо, хочет выяснить с ним отношения. Остаются Дими и Бола.

Д и м и. С землей что-то другое надо делать. Не то такие, как Лади, всякими правдами и неправдами захапуют ее. Землю так нельзя разбазаривать.

Б о л а. Дими, позволь спросить?.. Смотрю я на тебя и поражаюсь... На что ты надеешься? Сегодня опять пустые подводы вернулись. Ни кирпича, ни леса. Каменщики почти все разбежались. Как ты собираешься эту махину строить? Народ раздражен. Уже поднимает свой голос против тебя.

Д и м и. Не знаю. По правде сказать, сам не знаю. Знаю одно — строить надо, а как?.. Ума не приложу! А может быть, я и ошибаюсь.

Б о л а. Бросил бы ты все это... Будут лучшие времена — достроишь.

Д и м и. Я это уже слышал. Не раз. В округе тоже твердят: денег нет, материалов нет! А школа нужна. Ох как нужна!

Б о л а. Тебе же предлагали в округе хорошую работу. Переселяйся в город. Причина есть. Строй свою жизнь.

Д и м и. Моя жизнь здесь. В этом селе, с этими людьми. В этой школе.

Б о л а. Ну и что ты дальше намерен делать?

Д и м и. В Москву. Надо ехать в Москву. Прямо к Ленину. Говорят, со всех мест к нему ездят. Всех принимает. Всем помогает. И мне надо ехать!

Б о л а. Газет не читаешь? Ленин болен. И тяжело.

Д и м и. Такому человеку лежать долго нельзя. Такого человека врачи быстро поднимут, для него не только лекарства, душу никто не пожалеет! Бола, следи за газетой! Как только будут хорошие вести о нем, я сразу в путь! Другого выхода пока не вижу!

Б о л а. Дай бог, чтобы он поскорее поправился!

Д и м и. Дай бог! Бола, ты в город? Уже поздно. Хочешь, у меня переночуй!

Б о л а. Я пойду. Спасибо. А ты здесь остаешься? На стройке уже ни души!

Д и м и. Я побуду еще.

Б о л а. До встречи! *(Собирается уходить.)* Да, прошу тебя: парня не обижай. Я про Ирбека. Молод еще. Прижать его надо, но... не сломай.

Д и м и. Пусть он мне только попадется!

Б о л а. Не надо быть жестоким!.. Да, хочу спросить... Я тут невольным свидетелем был... одного дела. Даже не поверил своим глазам... Лесоматериал по твоему распоряжению отдали?

Д и м и. Какой лесоматериал?

Б о л а. Со стройки, вон оттуда. От твоего имени. Зелому вручили бумагу. За твоей подписью. С печатью. Ирбек из города подводы пригнал. Строители погрузили и увезли.

Д и м и. Лес? Со стройки? *(Очень тихо.)* Иногда человеку снятся кошмары, хочет проснуться и не может, хочет кричать — голоса нет. *(Кричит.)* Бола, разбуди меня, Бола! *(Убегает.)*

Б о л а. Жалко его. Эти большевики сами замесили это месиво, ну и пусть захлебнутся в нем. А мне пора. Смотреть на его муки — удовольствие небольшое. *(Уходит.)*

Стемнело. Вошел Д и м и. Сел на землю, вдруг упал лицом вниз и... зарыдал. По-мужски. Глухо. С болью. Появляется З а л и, садится рядом, дотронулась до плеча. Дими сел, повернулся к ней спиной.

З а л и. Поплачь, поплачь, бог не зря дал нам слезы! Иначе горя не вынесешь! Сердце разорвется!

Д и м и. Почему ты здесь?

З а л и. К тебе пришла.

Д и м и. Зачем?

З а л и. Пришла проглотить половину твоих слез, а то их соль обожжет твоё горло; взвалить половину тяжести твоих бед на свои плечи, иначе подкосятся ноги твои! Половину боли твоего сердца взять себе, иначе не выдержит оно на радость врагам твоим.

Д и м и. А если тебя увидят со мной в эту пору? Кто-нибудь из вашей фамилии?

З а л и. Ты и родня моя. Нету у меня никого, кроме тебя.

Д и м и. Нет меня, Зали, нет! Ножом ударишь — капли крови не найдешь. В Терек бросишь — как камень на дно пойду.

З а л и. Зачем ты так, Дими? Село твоей мечтой живет. Старики к твоей мудрости прислушиваются. Младшие твоим мужеством гордятся. Женские глаза в толпе тебя ищут. Кто за плуг взялся — к мотыге не возвращается! Бороздишь ты новую жизнь для нас, пластами переворачиваешь старое! Если твои руки устали, вот мои — женские, но не слабые, объединятся они с твоими, никто их не сломает. Опомнись, герой революции!

Д и м и. Да, революцию совершил, а что с ней дальше делать — не знаю. Не умею. Почему так трудно?

З а л и. Ты меня спрашиваешь? Я революцию ненавижу. Она взяла у меня самое дорогое... мужа и ребенка. А теперь она мне дороже жизни! Потому что дала тебя! К жизни вернула! Позволила в эту стройку свой кирпич положить!

Д и м и. Вот ты меня понимаешь... Зелим... Другие... Но почему сын — кровь родная — к горлу моему нож приставил? День и ночь на глазах его камень на камень кладу, доску к доске прилаживаю, а он, по-воровски, подло лес увез?

З а л и. Ты виноват. Судьбой чужих детей живешь, а доброе слово своему сыну сказать у тебя нет времени. Сколько раз ты с ним рядом сидел? Утром поесть приготовил? Сколько раз его радовал? Ведь у ребенка душа что родник чистый! Красную ягоду туда бросишь — красным станет, черную — черным. Вот и бросили твои недруги туда черные ягоды.

Д и м и. Встречу — нож в сердце.

З а л и. Почему в его сердце? Целься тогда в свое. Мне стыдно за тебя. Я думала, ты мудрее.

Д и м и. А что ты мне предлагаешь? Обнять его? По головке погладить?

З а л и. Да, обнять! Пусть узнает отцовскую ласку! Сам твердишь: времена насилия кончились. Добром надо действовать. Верни к себе сына, не отталкивай его. И меня тоже... не гони... И мысли, и радости у нас одни. Почему же начало дня мы встречаем врозь? Почему? Ночью я бы ладонь держала под твоей головой. Днем бы провожала на работу. Вечером усталость твою теплом своей щеки снимала. Довольно каждый день говорить друг другу: почему? Разглядь морщинки забот, сбрось тя-

жесть, расправь свои плечи. Судьбой мы друг для друга предназначены... не перечь ей. *(Уходит.)*

Дими один. Выходит И р б е к.

И р б е к. Как ты не убил меня в тот вечер?

Д и м и. Попался, убил бы. Потом, скажи спасибо Зали... Она тебя спасла... Отвела гнев.

И р б е к. Она сильнее тебя оказалась!

Д и м и. Мудрее!

И р б е к. Если бы мне пришлось расплачиваться за ее добро водой,— Терека б не хватило.

Д и м и. Да, щедрое сердце... *(Садится, оглядывается.)*
А школа как будто меньше стала...

И р б е к. Это потому, что рядом выстроили большие дома...

Д и м и. Так бы сидел и смотрел на нее... Часть моей жизни в этой школе... Безграмотного, наверно, теперь в самом далеком ущелье не сыскать.

И р б е к. Скажу тебе откровенно, отец. Вот ты построил школу, люди заканчивали ее, поступали в вузы, и мы радовались этому... А теперь, когда наши выпускники едут сдавать экзамены, я в душе желаю, чтобы добрая половина их не попала, вернулась бы обратно.

Д и м и. Не понимаю. Почему?

И р б е к. Рабочих рук в селе не хватает... Повальный поход в институты.

Д и м и. А разве это плохо?

И р б е к. Казалось бы, радоваться надо... А в пастухи, чабаны — послать некого. Пишут диссертации, как пасти овец, где и сколько раз их стричь! За время этой диссертации уничтожается десятка два овец, в основном на шашлыки. А вот что овце чабан нужен — об этом не пишут.

Д и м и. Нет, сынок, прежде чем писать, надо хотя бы одно лето попасти овец.

И р б е к. Я тебе больше скажу. У нас бедных нет уже давно. Сам видишь — дома богатые.

Д и м и. А почему нет дыма — признака достатка?

И р б е к. Дым теперь — признак бедности, давно кончились времена дров и керосина. В каждом доме газ, свое отопление, своя баня... Недавно в нашем сельпо колхозники купили четырнадцать автомашин, и ни один не брал деньги в сберкассе. Вот так теперь живет колхозник.

Д и м и. Хорошо.

И р б е к. Очень даже хорошо, но как он только в колхозе разбогател, уезжает в город! На завод, фабрику! Там у него квартира, а здесь — дом, дача. Мать или отец за этим хозяйством смотрят, кур, поросят, коров разводят.

Д и м и. Почему?

И р б е к. Я все время думаю об этом! Механизатор, животновод заняты круглый год. А овощевод, хлебороб и другие колхозники сезон отработали, а зимой сидят. Вот и начинается переселение.

Д и м и. А кто в этом виноват — ты или тот, кто уехал?

И р б е к. Наверное, и я. Ему и зимой работать хочется, а я его не обеспечиваю.

Д и м и. Вот тебе диссертация жизни. Пиши. А ты небось ждешь, пока будет указание сверху?

И р б е к. Жду, потому что это не только в нашем колхозе.

Д и м и. Значит, боишься проявить самостоятельность. Вдруг кому-то не понравится, снимут. И там, где можно и нужно требовать, ты аплодируешь! Боишься потерять кресло?

И р б е к. Не в том дело, отец. Этого я никогда не боялся. А проблему эту решать надо!

Д и м и. У каждого времени, как и у каждого человека, потребности идут впереди него. И надо успевать за ними. Угадывать их. Иначе ведь нет движения вперед. С одним не могу примириться, почему народ уходит в город?

И р б е к. А я понимаю. Зачем идти чабаном в горы, жить в шалаше, в холоде, в отрыве от семьи? Нет, он прав! Создай ему условия, чтобы жена рядом была, чтобы теплую пищу ел, в чистую постель ложился, музыку мог слушать и кино смотреть.

Д и м и. Ты дело говоришь!

И р б е к. А разве убежит человек из села, если он будет работать круглый год и у него будет стабильная зарплата? Дети его будут учиться не только в общеобразовательной, но и музыкальной школе. А в свободное время он не пьянствовать будет, а пойдет в свой клуб, чтобы встретиться с друзьями, попеть, потанцевать, посмотреть спектакль, концерт, кино? Вот почему я хочу строить Дворец культуры по самому современному проекту. Человек хочет и должен жить хорошо, красиво сегодня! Ну что молчишь, председатель?

Д и м и. С какой тревогой мы, старшие, думали: эх,

молодежь, сохранит ли, продолжит ли она дело отцов? Напрасно тревожились!

И р б е к. У осетин говорят: чему научился отец — в могилу с собой не уносит... Мы можем жить еще лучше, богаче...

Д и м и. Это прекрасно. Но в этом есть и опасность.

И р б е к. Опасность?

Д и м и. Хитрая и большая! Она, как паршивая собака, подкрадывается и кусает со спины. Человек становится рабом своего богатства! Берегись этого! Разве человечество в памяти своей сохраняет имена богатых? Нет — героев, мыслителей, поэтов! А в войне? Что победило? Духовное богатство народа, щедрость его сердца! Не забывайте об этом! Иначе бессмысленны будут и памятники героям, которые вы воздвигаете, и вечные огни, которые вы зажигаете.

И р б е к. Согласен, отец... Без этого вам бы и школу тогда не построить!

Д и м и. Конечно... А вспомни, как народ сначала сопротивлялся! Габо... Он и слышать не хотел, а потом... Жизнь свою за школу отдал...

И р б е к. Да... Это в лесу было...

Д и м и. Зимой... За дровами для школы поехали...

И р б е к. А кто вас тогда предал?

Д и м и. Не знаю, сынок... В тот день Лади с нами не поехал... Может быть, он... А может... и Бола!..

Поют мужские голоса. Дими и Ирбек уходят.

Зима. Лес. Слышен быстрый ритмичный стук топоров. Появляется Габо, воткнул топор в пень, полой полушубка вытирает пот с лица.

Каркает ворон.

Габо. Кш-ш, кш-ш! Чтоб твоя голова лисе на ужин досталась! Кш! Твое счастье, что ружье не прихватил! Кш, тебе говорят, ворон! Кш-ш, черный вестник!

Входит Тазе.

Тазе. Ты что, сосед, воронье разгоняешь? Или нас на обед зовешь? *(Показывает на воткнутый Габо топор.)* Твой топор уже на привале?

Габо. Втыкай рядом!

Тазе тоже воткнул топор рядом с топором Габо.

Вот так! Тоже мне дровосек, осину от ольхи отличить не можешь! Собирай всех! Пора перекусить!

Т а з е (кричит). Эй, братцы! Габо всех к столу приглашает! Посмотрим, чем он нас угощать будет!

Г а б о. В этом деле я своей скудности не стыжусь, а вот ты сейчас можешь показать всю широту своей натуры!

Собираются дровоосеки, каждый втыкает свой топор рядом с топорами Габо и Тазе.

С а н д р. Послушай, Тазе, когда у тебя был пир по случаю примирения с Габо, почему меня не позвал?

Т а з е. В гости ты любишь ходить, Сандр, а вот чтобы сам приглашал — не замечал!

С а н д р. А я ни с кем не ругаюсь, ни с кем не мирюсь. По какому поводу приглашать?

Т а з е. Было бы желание, а повод найдется! А ты откуда взял, что мы с Габо ругались?

Г а б о. Да, да! Когда ругались? Наоборот, между нашими огородами выстроили мы замок дружбы, каждый день перед ним говорим друг другу «доброе утро»!

Входит Д и м и в старом тулупе.

Д и м и. Опять, Габо, басни рассказываешь?

Г а б о. Да нет. Просто говорю: мужики, выкладывайте у кого что есть, посмотрим, чья жена лучше!

Д и м и. Все своей Фуфой хвалишься? Ну-ка раскрой хурджин! Что она там положила?

Г а б о. Я готов. Но пусть сначала другие похващаются!

Г о л о с а. Нет, Габо, ты старший! С тебя и начнем!

Г а б о. Хорошо, с меня так с меня! (Вынимает сыр и чурек.)

Т а з е. Я-то думал, выложит сейчас баранью ляжку или курдюк с чесноком! А он чурек да сыр!

Г а б о. А я не хотел тебя затирать. Вынимай свой курдюк!

Т а з е. С удовольствием! (Вынимает чурек и редьку.)

Г а б о. Ого! Сандр, редька есть, хрена не хватает.

Сандр вынимает кусок печеной тыквы, смеясь, другие выкладывают чеснок, картошку.

Д и м и. Братцы! А у кого нет жены, тому как быть?

Г а б о. Тому нужно встать подальше и ждать приглашения.

Г о л о с а. Простим его!

— Не будь жестоким, Габо!

Г а б о. Не-ет! Пусть заслужит приглашение! Встань вон там, тебе говорят, и повторяй за мной!

Дими отошел в сторону.

Вот теперь повторяй: я холостяк!

Д и м и. Я холостяк...

Г а б о. По моей дурусти....

Д и м и. По твоей дурусти...

Г а б о. Не так.

Д и м и. Не так.

Г а б о. Повторяй за мной.

Д и м и. Повторяй за мной.

Г а б о. Я — осел.

Д и м и. Ты — осел.

Г а б о. Нет, это ты осел!

Д и м и. Нет, это ты осел...

Г а б о. Вот болван!

Д и м и. Вот болван!

Г а б о (*выходит из себя*). Чтоб твоей матери в кадущку с сыромдохлаямышь попала! Иди садись! И как такого бестолкового председателем избрали! Ребята! Давайте женим его, да так, чтобы он сам об этом не знал! Придет как-нибудь ночью домой, откинет одеяло, а оттуда на него вот такие глазищи и уставятся!

Д и м и. Твоими устами да мед бы... В зимнее время для меня такой подарок... Надоела холодная постель...

Г а б о. Вот, вот, позавидуй мне! Я без своей Фуфы...

Т а з е. Опять про свою Фуфу пошел! Хотя бы имя было человеческое, а то Фу» и «фа»!

Г а б о. Вот тебе и «Фу» и «фа»! (*Вынимает из хурджины кувшин и рог.*)

Г о л о с а. Ай да Фуфа!

— Вот это жена!

— Вот позаботилась!

Г а б о. Ну что? Чья жена лучше? (*К Тазе.*) А у тебя ни «Фу», ни «фа». (*Показывает кувшин.*) Вы только посмотрите, какой красавец! Этот кувшин она мне еще в приданое привезла! (*Наливает рог.*) Дими, скажи тост!

Д и м и. Ты старший, ты и скажи!

Г а б о. Как ты догадался?! Но между прочим, когда старший говорит тост, младший должен встать...

Д и м и. Но еще не слышу тоста...

Г а б о. И помалкивай, а не то отправлю поить лошадей...

Д и м и. Молчу.

Г а б о. О всевышний, хоть ты и не в нашей партии, не забывай нас, грешных...

В с е. Аминь.

Г а б о. Никогда не лишай нас мудрости...

В с е. Аминь.

Г а б о. Мы мало просим у тебя...

В с е. Аминь.

Г а б о. Хлеб да соль...

В с е. Аминь...

Г а б о. А главное, острое слово...

В с е. Аминь.

Г а б о. С ним ведь даже черствый чурек приятно кушать...

Раздается ржанье лошади.

Слышите, лошадка тоже согласна!

С а н д р. Не тяни, Габо! Холодно! Всем согреться хочется!

Г а б о. Удовольствие всегда хочется протянуть! Какой стол — любо смотреть! Лучше подождать, чем сожрать! (*Передает рог Сандру.*) На, согревайся!

Сандр пьет молча.

(*Опять наполняет рог.*) Выпьем, ребята, знаете за что? В эту зиму ведем дрова для нашей старой школы — для нашего сарая, а в будущую зиму чтобы всем селом поехали за дровами для нашей новой школы!

В с е. Аминь.

Г а б о. Чтобы все девять дочерей моих студентками стали.

Д и м и. Пусть инженерами станут, врачами.

Г а б о. Нет уж, учиться так учиться, только студентками, на меньшее я не согласен!

Д и м и. Ну хорошо, пусть будет по-твоему! Пьем за новую школу!

Все пьют.

Г а б о. Ну что вы за народ! Если арака не годится, почему вы ее пьете? Если хорошая, почему не скажете доброе слово в адрес той, кто ее прислал?

Г о л о с а. Ой, Фуфа, Фуфа!

— Мастерница она у тебя!

— Чудо!

Г а б о. Так выпьем за чудо! Живи сто лет, Фуфа!

Дала ты мне девять дочерей, подари мне в придачу к ним еще девять парней! И буду носить тебя за пазухой вместо майдана!

В с е. Аминь, Габо!

Д и м и. Габо, это уже восемнадцать! Не слишком ли много?

Г а б о. Для такой школы? По-моему, нет! Ну, братцы, немного разогрелись, закусили! Настроение лучше стало! Давайте вспомним свою безумную молодость!.. Поговорим о бабах...

Г о л о с а. Поговорим!

— Начни, Габо!

— Выкладывай!

Г а б о. Что я?! Пусть нам Дими расскажет, как он в японскую войну генеральскую жену на курорт сопровождал?!

Д и м и. Тоже мне, вспомнил!

С а н д р. Интересно!

Г а б о. Это не то слово, Сандр! Чтобы ты в мою могилу заглянул, Дими, если не расскажешь!

Г о л о с а. Ну что тебе стоит?!

— Рассказывай, люди свои!

— Никто нас не подслушивает! Не стесняйся!

Д и м и. Да не слушайте его, ничего такого не было.

Г а б о. Не хочешь, я сам расскажу... Как он воевал — это вам известно. Полный георгиевский кавалер — все четыре креста на грудь ему повесили! А вот как он четвертый крест заработал — это история. После третьего Георгия вызывает его генерал и говорит: «Отличный ты солдат, хорошо воюешь! За это даю тебе передышку. Иди, храбрый горец, сопровождай мою жену на лечение, к источникам целебным».

Т а з е. Это что, к нашим?

Д и м и. Нет, в Пятигорск.

Г а б о. Охраняй, говорит, ее пуще глаза! *(Смеется.)* А жена-то генеральская еще в самом соку! Словом, послал генерал козла капусту охранять! *(Наклоняется к слушателям и рассказывает что-то шепотом.)*

Его рассказ все время прерывается громким хохотом.

Даже Дими смеется от души.

И вот когда вернулись — генерал ему четвертого Георгия повесил!

Дими. Все ты выдумываешь, Габо. Четвертого я через год получил!

Габо. Мужчина ты, Дими! Ей-богу, мужчина! На твоём месте я бы тоже так поступил! Братцы, дадим ему за мужество почетный бокал. *(Наливает рог, передает торжественно Дими.)* Принимай за храбрость и... за четвертого Georgia!

Дими берет рог, ему поют застольную песню, поют задорно, весело, хлопают в ладоши. Песня переходит в танец. Габо, изображая женщину, пошел в шуточный пляс с Дими. Незаметно всю эту группу окружают вооруженные бандиты-абреки. Они быстро убрали топоры и направляют на крестьян свое оружие. Танец прервался. Все молчат.

Габо *(нарушает молчание)*. Гость — послан богом! Прошу к столу! Примите встречный бокал! *(Хочет налить рог.)*

Абрек. Назад. Мы не твою вонючую араку пить пришли! Руки вверх!

Все поднимают руки.

У кого есть оружие, не вынимать! Сами возьмем!

Двое абреков обыскивают крестьян.

Габо. Не ищите, деньги не при мне. Фуфа их в матрасе прячет.

Абрек. Молчать!

Габо. Может, сперва познакомимся?

Абрек. Не болтай глупости!

Габо. Глупость нам не разрешаешь, умные вещи сам не говоришь!

Дими *(к Абреку)*. Извините его, он — балагур. А вы, видно, люди серьезные. Мы за дровами приехали. Не пугайте нас. Вы — вооруженные, мы — с пустыми руками. Отпустите. Мы вам ничего плохого не сделали!

Абрек. А что хорошего сделали?

Дими. Хорошего тоже ничего. Но, может, еще сделаем.

Габо. Дорогой старший абрек!

Абрек. Не зови меня так!

Габо. А как же тебя величать?

Абрек. Я офицер!

Габо. Дорогой офицерский абрек! Скажи этому маленькому, чтобы он отвел от меня дуло! На меня если даже палку наводят, и то душа в пятки уходит!

Абрек. Закрой свой рот, старик!

Габо двумя руками закрывает рот.

Руки вверх!

Габо. Ты же сказал: закрой рот?! Если руки будут наверху, чем же рот закрывать?

Абрек. Будешь болтать лишнее, пристрелю! Вас всех надо перестрелять! Присвоили себе чужие земли! И песни в лесу распевают! За вами что, в горы приглашение посылали?

Дими. Ах вот в чем наша вина? Уже столько лет советской власти, а вы все никак смириться не можете?! Никак зло не проходит?

Абрек. И не пройдет! Пока не рассчитаемся, будем держать это зло в золе, чтобы не остыло.

Дими. А мы-то тут при чем? Обращайтесь к власти.

Абрек. Ниже своего достоинства считаем разговаривать с вашей властью!

Дими. Тогда зачем с нами счеты сводить? Отдайте нам наших лошадей, подводы наши и отпустите!

Абрек. Лошади и подводы уже не ваши! А с вами... сейчас разберемся. Кто из вас Дими, пусть выйдет вперед! (Пауза.) Вы меня не расслышали?

Габо. Я не совсем понял: кто должен выйти?

Абрек. Вы что, оглохли? Я повторяю: кто Дими, пусть выйдет вперед! Нас предупредили, что Дими с вами.

Габо. Спасибо тебе, дорогой, успокоил мою душу! Я так и знал, что голова Габо вам ни к чему! Вам Дими нужен! Я пошел запрягать коня! Уже день на исходе! (Собирается идти.)

Абрек. Куда? Обратно!

Габо. Как обратно? Я ж Габо! А вам Дими нужен! И, видно, не заяка Дими, и не рыжий Дими, и не тот Дими, который на краю села свою жену пять раз на день умуразуму учит, а председатель Дими! Я так вас понял?

Абрек. Да, нам нужен председатель Дими, Гуларов Дими, который хочет построить самую большую школу, который на наших исконных дедовских землях село обосновал! Не дошло еще?

Габо. Дай бог тебе здоровья! Наконец-то взялись за него. Эту сволочь мы тебе выдадим! Нам бы избавиться от него скорее. Если я выдам его, ты меня отпустишь?

Абрек. Отпущу.

Габо. И лошадь отдашь?

Абрек. Отдам!

Тазе. Габо, ты что?

С а н д р. Разума лишился, Габо?

Г а б о. Что «Габо, Габо»? Сами же твердите, что с ним давно пора кончать. Все село от него стонет. Замучил всех, проклятый! Дорогой абрек! Пусть будет мне плохо, я выдам. (*Подходит к Дими.*) Вот! Пожалуйста! Берите его!

Молчание.

А б р е к (*подходит к Дими*). Это — Дими?

Г а б о. Нет! Это Джамбот!

А б р е к. Что ты нам голову морочишь? Нам Дими нужен! Он с вами. Наш человек об этом сказал.

Г а б о. Сволочь — ваш человек. И Дими сволочь. Я вам дело говорю. (*Показывает на Дими.*) Этот может его убить! Только заплатите ему! А потом возьмите к себе, в абреки! Правда, Джамбот? (*Берет Дими за плечи.*) Джамбот, Джамбот, прояви наконец свое мужество! (*К Абреку.*) Он на Дими зуб имеет. И знаете за что? Жена у него красивая. А Дими — холостяк. И каждый раз, как ее увидит, здороваётся с ней за руку и ладошку ей тайком щекочет! Понимаешь, куда клонит? Мол, горю тобой! Прими меня! Вот и сторожит Джамбот каждый вечер, когда Дими к ней зайвится... Застанет его и прикончит, как паршивого пса... Аллах, аллах, Джамбот! Кажется, он нас обдурил! Сказал — поедет с нами, а сам остался... Ну и подлец! Ты — здесь, а он — у твоей жены!

Д и м и (*в ярости*). Проклятый пес! (*Абреку.*) Отпусти! Я его сейчас зарублю! Топор мой где? Я его на куски искрошу! (*Хочет уйти.*)

А б р е к. Стой!

Д и м и. Как мне стоять! Меня опозорили!

А б р е к. Значит, Дими среди вас нет? Ну хорошо. Раздевайтесь!

С а н д р. Как — раздевайтесь?

А б р е к. Просто. Снимайте с себя одежду.

Д и м и. В такой холод? Вы шутите!

А б р е к. Мне не до шуток! И быстро! Иначе пулю в лоб! Ну!

Крестьяне сбрасывают тулупы.

Дальше! Дальше!

Габо снимает тулуп, на нем нет даже рубашки. Нагое тело перевязано старым женским платком.

Поджечь!

Один из абреков собирает вещи.

Г а б о. Не трогай! Вшей полно!

А б р е к. Мы с этой скотиной уже знакомы! А теперь штаны снимайте!

Д и м и. Не слишком ли много!

А б р е к. Снимайте! Для вас ничего слишком не придумаешь! Шевелитесь! (*Габо.*) Ты, болтун, особого приглашения ждешь? Начнем с тебя, ты, кажется, старше всех?!

Г а б о. Вы извините, но я штаны не сниму...

А б р е к. Почему?

Г а б о. Да видите ли... Когда собирался в лес, второпях забыл надеть подштанники.

А б р е к. Это даже забавно! Снимай! Не стесняйся!

Г а б о. Я не стесняюсь... Здесь одни мужики, стесняться некого. А как я домой вернусь? Ну Фуфа-то еще ладно... Во всех видах меня знает... А мои девять дочерей? Не годится отцу появляться в таком виде!

А б р е к. А ты зря волнуешься. Они тебя больше не увидят ни в штанах, ни без штанов.

Г а б о (*серьезно*). Это другой разговор. Давно бы так, сразу все прояснилось. (*Садится.*)

А б р е к. Встань! Чего расселся? Снимай! Теперь наш черед позабавиться!

Г а б о (*вдруг совершенно серьезно*). У кого с детства семь шкур сдирали, тому штаны снять — труд не великий! Я же тебе в отцы гожусь! Как у тебя язык повернулся такое сказать! Какая мать тебя учила со старшими так обращаться? Или забыл порядок горцев?

А б р е к. Порядок? Порядок вы разрушили! Все обратили в хаос! И ты меня еще к порядку призываешь?! Да мне плевать на твою седину! Вас всех перебить, перевешать надо, от мала до велика!

Г а б о. Кто-то не мог с конем справиться, так лупил седло! Так и ты! На Дими зуб имеешь, а зло на нас срываешь!

А б р е к. Дими — здесь, среди вас!

Г а б о. Нет его с нами!

А б р е к. Есть! И вы его сами назовете, если жить хотите!

З е л и м (*голос за сценой*). Эге-ге-ге! Ди-ми-и!

А б р е к. Что? «Дими» зовет? (*Другому абреку.*) Быстро навстречу!

З е л и м (*за сценой*). Ди-ми-и, где ты?

Д и м и (*тихо*). Зелим... Неспроста. Несчастье в селе.

Г а б о. Господи, убереги нас от большей беды!

З е л и м (за сценой). Ди-ми! Га-бо! Несчастье!
Г а б о. Ты угадал. Не зря он...
А б р е к (за кулисы). Веди сюда! (Крестьянам.) А
вы — молчать!

Вводят З е л и м а.

Руки!

З е л и м (поднимая руки). Что это?

Г а б о. Молчи!

А б р е к. Это ты, собака, молчи! (Зелиму.) Ну! Ты же
Дими искал! Скажи ему, что хотел! Какое у вас там
несчастье? Дими ждет. Говори! Ну, иначе первым при-
кончу!

Зелим посмотрел на крестьян, бросился на землю и зарыдал.

Слезами не купишь!

З е л и м (вскочил). Звери вы, звери! В такой день!
Как вы можете?! Сегодня мир в траур оделся! Из глаз
не слезы, а кровь ручьями! Горе комом в горле застряло!
А вы?.. Вы!.. В такой день!

Д и м и. Зелим! Что такое? Ну? Говори же!

З е л и м (без слез, тихо). Сегодня по радио сказали...
Все газеты напечатали... Ленин умер...

Звучит хор. Абреки опустили оружие. Ветер воет. Крестьяне прижались друг к другу. К ним присоединился Зелим.

Д и м и (выходит вперед). Что ружья опустили? Стре-
ляйте! Что моя смерть рядом с той, которая вызвала
потоки людских слез! Моя жизнь была всего лишь дощеч-
кой через овражек, по которой прошла горсточка людей!
А его жизнь — мост... Да что там мост?! Все мосты мира!
И народы перешагнули на другой берег жизни! И вы их
не вернете обратно! Слышите? Не вернете! Нет! Нет и нет!
Пусть он ушел от нас... Его имя с нами! Навечно! И не
отнять его! Никому! Никогда!

З е л и м (неожиданно выхватил револьвер, стреляет
в абрека, тот падает). Вот тебе, получай!

Завязывается борьба, крестьяне отнимают винтовки, стрельба, абреки бегут.

Г а б о. Не подпускайте к лошадям! Удерут, мерзавцы!
Штаны мои хотели снять! Мерзавцы! (Стреляет в абрека,
тот падает.) Туда тебе и дорога! Дими! Берегись! Сзади!
(Стреляет.) Не уйдешь!

Раненый абрек стреляет в спину Габо, он пошатнулся. Поворачивается.
Абрек стреляет в него в упор и убегает.

Дими! *(Падает.)*

Зелिम *(прибежал)*. Габо! Ты ранен? *(Приподнимает его.)* Дими! Сюда! Габо ранили!

Габо. Ну что те? Не успели удрать?

Зелим. Двое ушли! Остальных... Не волнуйся!..
Дими! Скорей!

Дими *(вбегает)*. Габо! Как же это? *(Кричит.)* Скорее бурку! Башлык!

Габо. Не надо! Ни к чему уже! *(Через силу улыбается.)* Мерзавец, штаны-то все-таки с меня не снял!.. Зелим... Какую страшную весть ты принес!.. Не зря... ворон... каркал... Что с вами будет? Школа...

Дими. Школа будет. Клянусь тебе! Клянусь тебе именем того большого человека, что ушел от нас! Будет школа!

Габо. В одном прав был этот бандит... Дочери, говорит, не увидят тебя... Девять девчонок... И Фуфа... Зелим, не оставляй их без дров. *(Увидел кувшин.)* Красивый кувшин!.. Передайте хозяйке... На поминках пригодится... *(Умирает.)*

Зелим. Лучше бы эта пуля мне досталась! *(Плачет.)*

Дими. Не плачь, Зелим! Слезы уже ни к чему! Девяти дочерям Габо не вернуть отца! Их судьба теперь наша забота... *(Сам еле сдерживает слезы.)* Одевайтесь! Запрягайте коней! Ну что вы стоите?! *(Вдруг.)* Не прячьте глаз! Не можете сдержать слез — плачьте! Слышите, мужики! Плачьте здесь... в лесу... Там, дома... нам не до слез будет!.. Плачьте, мужики!

Вступает хор. Габо уносят на бурке. Дими остается.

Ирбек *(на авансцене)*. Отцы наши! В наших горьких слезах родилось наше сегодня!

Дими. Мне пора...

Ирбек. Иди. Я тоже пойду.

Дими. Домой? Или на колхозное собрание? Запомни, сын, тот, кто строит, тот всегда прав!

Ирбек. Я понял, отец!

Дими уже не видно.

Я буду строить! Всю жизнь! В память о вас!

З а н а в е с